

Лѣтопись и мысли стараго педагога ¹⁾.

Такъ въ первый годъ существованія интерната былъ присланъ исключенный изъ одной военной гимназiи воспитанникъ П—ръ. Онъ укралъ у матери цѣныя вещи и въ заведенiи былъ нетерпимъ по своему невозможному поведенiю и лѣности. Это былъ мальчикъ лѣтъ 14—15, наглый и самонадѣянный, но въ сущности трусъ. Ему очень не понравились порядки и духъ новаго заведенiя, и онъ намѣренно и систематически сталъ нарушать ихъ и подбивалъ товарищей къ самымъ дикимъ выходкамъ. Миѣ раза три пришлось долго бесѣдовать съ нимъ и вызывать на размышленiя о томъ, что ожидаетъ его, если онъ не воспользуется послѣднимъ свихожденiемъ, сдѣланнымъ ему, т. е. переводомъ въ другое заведенiе. Съ матерью его шла непрерывная переписка. П. почтительно выслушивалъ меня и, хитро посматривая на меня, обѣщалъ забрать себя въ руки, видимо совершенно не помышляя выполнить своего обѣщанiя. Однажды онъ тайно ушелъ изъ заведенiя и его съ трудомъ отыскали въ какой-то трущобѣ. Наконецъ онъ сталъ такъ дерзокъ, что я велѣлъ запереть его въ отдѣльную комнату при лазаретѣ, предпологая изслѣдовать его физическое состоянiе. Онъ тамъ началъ бить прислугу и когда я, вызванный на производимый имъ беспорядокъ, вошелъ къ нему, то онъ выхватилъ изъ кровати штырь и, размахивая имъ, закричалъ: „не подходите, г-нѣ полковникъ, не вводите въ грѣхъ—убью“. Миѣ удалось, подойдя къ нему вплотную, выхватить штырь и когда я сказалъ прислугѣ—„розогъ“, то П. вдругъ поблѣднѣлъ, опустился на колѣни, умоляя меня не наказывать его. Я оставилъ его, сказавъ, что при первомъ его проступкѣ ему не будетъ пощады. Недѣлю двѣ онъ былъ со-

¹⁾ См. „Русская Старина“, июнь 1914 г.

вершено покоемъ, но затѣмъ пришелъ ко мнѣ и просялъ, чтобы я исключилъ его изъ заведенія, что онъ больше не можетъ сдерживать себя. Онъ былъ вскорѣ выпущенъ вольноопредѣляющимся въ какой-то кавалерійскій полкъ, былъ очень доволенъ, надѣлъ франтоватую форму, пришелъ ко мнѣ и горячо благодарилъ меня—не знаю, за что. Я скоро потерялъ его изъ вида, но говорили, что онъ сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ.

Были также случаи, когда повидимому хорошія дѣти портились подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ мы своевременно не успѣли предупредить. Носпитальникъ С., круглый сирота и не имѣвшій даже какихъ-либо родственниковъ, поступилъ въ младшій классъ и своею привѣтливостью и добротою пріобрѣлъ общую любовь. Онъ былъ очень талантливый мальчикъ, прекрасно рисовалъ, игралъ на какомъ-то духовомъ инструментѣ, обладалъ замѣчательнымъ голосомъ и на домашнихъ концертахъ исполнялъ соло. С. сталъ извѣстенъ въ городѣ. Его приглашали въ лучшіе дома, начиная съ губернатора и губернскаго предводителя дворянства, дарили ему конфеты, игрушки. Начиная съ 4-го класса, онъ началъ проявлять свойства набалованнаго, дерзкаго мальчика, сталъ грубъ и дерзокъ и часто оказывалъ открытое неповиновеніе воспитателямъ и учителямъ. Принялся за его исправленіе, не пускали въ отпускъ, чѣмъ онъ очень дорожилъ, вели долгия бесѣды, прѣмѣняли разныя наказанія, поручали лучшимъ ученикамъ изъ его товарищей, но все это помогало не надолго и выходки его становились все грубѣе. Дошелъ до 6-го класса. Въ одинъ несчастный день прислали мнѣ сказать, что С. не повинуется распоряженію ротнаго командира, который приказалъ ему отправиться въ карцеръ. Когда я пришелъ въ роту, С. былъ очень возбужденъ и на мой вопросъ—какъ онъ могъ позволить себѣ ослушаться ротнаго командира, онъ отвѣчалъ: „меня несправедливо наказываютъ, и я въ карцеръ не желаю идти“. Я объяснилъ ему, что на несправедливость онъ можетъ мнѣ жаловаться, и я разберу дѣло, но приказаніе командира онъ долженъ исполнить немедленно и безпрекословно. С. послѣдовалъ за мною, и я самъ отвелъ его въ карцеръ, поговорилъ съ нимъ и посоветовалъ хорошенько взвѣсить свой поступокъ. сказавъ, что я приду его выслушать часа черезъ два. Придя домой, я сѣлъ позавтракать, ко мнѣ прибѣжалъ служитель сказать, что С. ушелъ изъ карцера и объявилъ, что онъ болѣе туда не пойдетъ. Прихожу въ роту. С. стоитъ страшно возбужденный, съ налитыми кровью глазами. Кругомъ его воспи-

тавники, а въ сторонѣ нѣсколько дядекъ, убравшихъ комнаты. Со всею строгостью я обратился къ нему: „какъ осмѣлились вы уйти изъ карцера, когда я велѣлъ вамъ тамъ оставаться“. „Не пойду, что хотите“, захрипѣлъ онъ. Ротный командиръ, возмущенный такимъ нахальствомъ, не выдержалъ и крикнулъ дядькамъ: „взять его и отвести въ карцеръ“. Ничего подобнаго въ заведеніи прежде не бывало. Я взглянулъ на воспитанниковъ; они стояли блѣдные, а на лицахъ ихъ я прочелъ недоумѣнье и нерѣшительность—какъ поступить, если дядьки начнутъ борьбу съ С. Тогда я крикнулъ дядькамъ: „не трогать его“ и, обращаясь къ воспитанникамъ, говорю: „возьмите его сами и отведите въ карцеръ“. Лица воспитанниковъ сразу намѣнились; они дружно подхватили С. на руки и понесли въ карцеръ. Я послѣдовалъ за ними. Дорогой они говорятъ мнѣ: „у него въ сапогѣ ножъ, и онъ сказалъ, что зарѣжетъ того, кто подойдетъ къ нему“. Когда его внесли въ карцеръ, я высладалъ за дверь его товарищей и, оставшись съ нимъ, говорю: „Вы хотѣли кого-то зарѣзать, рѣжьте меня, мнѣ все равно, кого бы вы не зарѣзали, вы, значить, зарѣжете меня“. С. наклонилъ упрямо голову и сквозь зубы говоритъ: „Васъ я не хочу рѣзать“.—„Тогда, говорю, отдайте мнѣ ножъ, который при васъ“. Онъ вынулъ ножъ, изо всей силы бросилъ его въ сторону и съ крикомъ: „Э, все равно“, подбѣжалъ къ окну (карцеръ былъ въ 3-мъ этажѣ), выбилъ стекло, бросился самъ, чтобы вилнуться внизъ. Я подбѣжалъ къ окну и такъ какъ выбитое стекло было недостаточно велико, чтобы ему пролѣзть, то онъ сталъ протискиваться. Я стоялъ повдѣ и не трогалъ его, надѣясь, что высота испугаетъ его, но когда прошли уже бедра, я схватилъ его за ноги и крикнулъ воспитанниковъ, стоявшихъ за дверью. Они вбѣжали и схватили С. Видъ у этого 15-ти лѣтняго мальчика былъ страшный: лицо почернѣло, онъ весь дрожалъ. Я приказалъ воспитанникамъ отвести его въ лазаретъ, такъ какъ очевидно онъ боленъ. Доктора я просилъ дать ему успокоительнаго такъ, чтобы онъ заснулъ. С. проспалъ въ лазаретѣ цѣлые сутки. И когда я пришелъ къ нему, то мы мирно начали бесѣду. Мы прошли съ нимъ всю его жизнь вѣкъ корпуса, жизнь не радостную. Онъ смягчился и заплакалъ. „Больше ничего подобнаго не будетъ“, сказалъ онъ мнѣ. Я ушелъ отъ него изводнованный и удовлетворенный. Прошло два дня. С. оставался въ лазаретѣ. На третій день докладываютъ мнѣ, что съ С. нѣтъ никакого слادا; онъ дерется и грозитъ убить не только директора, но и Царя. Я пригласилъ докторовъ,

которые высказали мнѣ, что держать его въ лазаретѣ нѣтъ никакой возможности и что мы рискуемъ нажать себѣ большую бѣду. Что С. очевидно душевно больной и въ лазаретѣ нѣтъ приспособленій для такого рода болѣзней. Рѣшено было отправить его въ Казань, въ клинику душевно-больныхъ. Опасаясь только, что онъ очевидно боленъ и наши доктора не умѣютъ справиться съ его болѣзью и рѣшилъ послать его въ Казань посоветоваться съ болѣе свѣдущими спеціалистами. Онъ охотно согласился и въ тотъ же день въ сопровожденіи фельдшера и дядьки отправили его на пароходѣ въ клинику. Тамъ его приняли и стали лѣчить. Черезъ три или четыре мѣсяца я получилъ извѣщеніе отъ главнаго врача клиники, что С. совершенно здоровъ, что его нѣтъ надобности болѣе держать въ клиникѣ и просилъ меня взять его обратно. Опасаясь, что, возвратясь въ прежнюю обстановку и къ тѣмъ же людямъ, съ нимъ могутъ повториться прежніе припадки, я написалъ Главному Начальнику и, изложивъ всѣ обстоятельства, просилъ о переводѣ его въ другой корпусъ. Представленіе мое было уважено, и С. перевели въ Нижегородскій корпусъ, гдѣ онъ благополучно окончилъ курсъ, но не захотѣлъ идти въ военную службу, надѣлъ статское платье и сталъ прискивать себѣ занятіе.

Въ августѣ мѣсяцѣ этого года, я, вернувшись изъ канicularнаго отпуска къ пріемнымъ экзаменамъ, пошелъ въ ближайшую гостиницу обѣдать. Я уже сѣлъ за свой приборъ, когда отворилась дверь и вошелъ какой-то молодой господинъ. Увидавъ меня, онъ приостановился и вдругъ, сжавъ кулаки, стремительно бросился по направленію ко мнѣ. Я узналъ въ немъ С. и, не зная его намѣреній относительно меня, повидимому, не особенно благопріятныхъ, я быстро всталъ изъ-за стола и вплотную подошелъ къ нему: „Радъ очень васъ видѣть уже окончившимъ курсъ, пойдѣте побесѣдуемъ и пообедаемъ вмѣстѣ“. С. сначала смутился, но пошелъ вслѣдъ за мной. Я велѣлъ подать ему приборъ. Понемногу мы разговорились и стали обсуждать его настоящее положеніе, какъ человѣка безъ всякихъ средствъ и занятій. Подъ конецъ бесѣды онъ говорилъ мнѣ: „Знаю и понимаю, что я у васъ въ корпусѣ велъ себя глупо и непозволительно, но одного я никакъ не могу забыть и простить вамъ—это то, что вы упрятали меня въ сумасшедшій домъ. Умирать буду, но все-таки упрекъ этотъ останется.“— „Что же мнѣ было съ вами дѣлать... Припомните, вѣдь вы были невмѣняемы“.— „Лучше вы велѣли бы меня наказывать розгами,

чѣмъ сажать въ сумасшедшій домъ. Въдь вы меня опозорили на всю жизнь“. Мои возраженія не поколебали его убѣжденія. Затѣмъ, я потерялъ его изъ вида; знаю однако, что онъ былъ вольноопредѣляющимся, выдержалъ хорошо экзаменъ на офицерскій чинъ, служилъ въ одной артиллерійской бригадѣ на югѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ я получилъ запросъ изъ бригады объ С., гдѣ просятъ сообщить свѣдѣнія о его нравственныхъ качествахъ и поведеніи въ корпусѣ. Я долженъ былъ изобразить его какъ человѣка въ высшей степени нервнаго и раздражительнаго и между прочимъ упомянулъ, что онъ нѣкоторое время находился въ клиникѣ душевно-больныхъ. Это обстоятельство спасло его. Онъ былъ отдавъ подъ судъ за то, что обнажилъ оружіе, съ намѣреніемъ ударить своего батарейнаго командира. Благодаря тому, что онъ былъ когда-то въ клиникѣ, онъ отбѣжался продолжительнымъ арестомъ. С. кончилъ печально, но думаю—къ счастью для него. При разрядѣ какихъ-то снарядовъ произошелъ взрывъ, коимъ С. былъ убитъ.

Съ каждымъ годомъ интернатъ расширялся; прибывали новые воспитанники изъ разныхъ мѣстъ имперіи, преимущественно съ Кавказа,—туземцы, съ особымъ складомъ характера и темперамента, не всегда желательные для закрытаго учебнаго заведенія, южные славяне, дѣти военно-служащихъ и мѣстнаго населенія, преимущественно дворянъ. Педагогическій персоналъ тоже пополнялся и часто мѣнялся. Прежніе воспитатели изъ учительской семинаріи постепенно выбывали, и открывавшіяся вакансіи замѣщались исключительно военными. Нѣсколько человѣкъ были приглашены мною изъ гвардейскихъ полковъ. Они вносили свѣтскую благовоспитанность, но нѣкоторые совсѣмъ не были знакомы съ требованіями современной педагогійи и все вниманіе обращали на внѣшніе порядки и манеру дѣтей, хотя сами не всегда были сдержаны. Новые преподаватели скоро усваивали методы преподаванія, но не всегда были вдумчивы въ психику дѣтей и свой авторитетъ преимущественно основывали на постановкѣ балловъ. Инспектора классовъ и старшіе врачи мѣнялись часто. Въ теченіе моего 25-ти лѣтняго директорства перемѣнилось 6 инспекторовъ и 7 старшихъ врачей. Не всегда это было на пользу заведенію. Особенно я жалѣлъ о перемѣщеніи инспектора Поливанова, старшаго врача Ретивцева, помощника инспектора классовъ Линдеберга и воспитателя Гриневича. Все-таки мнѣ удалось образовывать изъ служащихъ прочное, сплоченное ядро, которое давало общій тонъ и направленіе вновь прибывающимъ. Съ удоволь-

ствіемъ долженъ отмѣтить, что всѣ жили дружно и никакихъ конфликтовъ въ частной жизни служащихъ не было. Работали за малымъ исключеніемъ очень добросовѣстно. Не разъ мнѣ приходилось отправлять домой совершенно больного, но все-таки приходившаго на службу учителя, не желавшаго пропускать уроки. Никто изъ преподавателей не засиживался въ учительской комнатѣ послѣ звонка и всѣ дружной толпой выходили по классамъ. Я очень дорожилъ всѣмъ этимъ, ибо видѣлъ въ этомъ хорошій поучительный примѣръ для учащихся.

Отдѣльные проступки и капризы воспитанниковъ носили совершенно дѣтскій характеръ, хотя въ старшихъ классахъ, въ особенности среди бывшихъ экстерновъ, случались серьезные проступки.

Массовыхъ безпорядковъ было три или четыре въ теченіе всего времени. Они возникали внезапно, оканчивались быстро и не имѣли дурныхъ послѣдствій для отдѣльныхъ лицъ. Причиной ихъ иногда бывала безтактность кого-либо изъ насъ. Чаще всего неудовольствіе высказывалось эконому, который былъ въ сущности честный и добрый человекъ и даже иногда баловалъ воспитанниковъ, но плохой и нераспорядительный хозяинъ. Однажды воспитанники старшихъ классовъ подняли шумный протестъ во время утренняго чая: поданныя булки оказались имъ малы. Я вызвалъ тѣхъ, которые были недовольны своими порціями, привелъ ихъ къ вѣсамъ, велѣлъ завѣшивать каждую булку и къ той, которая не выходила по вѣсу противъ положеннаго—прирѣзывать соответствующій кусокъ. Когда воспитанники увидали, что недовѣсъ такъ ничтоженъ, что приходилось прибавлять по нѣсколько крошекъ, то они очень сконфузились и послѣ 5—6 завѣшиваній разбрелись по своимъ столамъ. Послѣ чая просили извиненіе у эконома. Бывали претензіи на эконома и основательныя—тогда воспитанники удовлетворялись по мѣрѣ возможности.

Однажды присылаютъ мнѣ сказать, что стрелевая рота отказывается дѣлать ружейные приемы. Я отправился въ роту. Медленно шагъ за шагомъ подходилъ я къ выстроенной ротѣ, прошелъ по фронту не здороваясь и пристально глядя въ глаза каждому. Рота по командѣ взяла на караулъ, и въ полномъ порядкѣ начались ружейные приемы. Минуть черезъ 20 я отпустилъ всѣхъ имѣвшихъ неудовлетворительныя баллы по поведенію, за ними постепенно отпускалъ имѣвшихъ высшіе баллы и наконецъ оставилъ въ строю только вице-фельдфебелей

и вице-унтеръ офицеровъ, объяснивъ, что они своимъ вліяніемъ и примѣромъ не должны были допустить такого безпорядка.

Когда происходилъ какой-либо безпорядокъ въ классѣ и виноватые не обнаруживались, то обыкновенно я приходилъ въ классъ и спрашивалъ учениковъ, желаютъ ли они и находятъ возможнымъ говорить со мной откровенно. Иногда они тутъ же высказывались, иногда заявляли, что не могутъ говорить откровенно. Тогда я молча уходилъ и не показывался въ этотъ классъ. Иногда это тянулось дня 2—3, но я не помню ни одного случая, чтобы въ концѣ концовъ виновные не пришли ко мнѣ съ повинною или съ объясненіемъ своего проступка.

Случилось, что нѣсколько воспитанниковъ забрались въ ледникъ и сѣбя хранившійся тамъ сыръ. Придя въ роту, которая во время пропажи гуляла на дворѣ, я позвалъ старшихъ лучшихъ учениковъ, сказалъ имъ о событіи и просилъ узнать, кто это сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько минутъ виновные были обнаружены. Я не сдѣлалъ имъ никакого замѣчанія, но приказалъ каждый день на обѣдомъ подавать имъ по куску сыра, такъ какъ они очень его любятъ. На третій день они пришли ко мнѣ и слезно умоляли не посылать имъ сыра, товарищи засмѣяли ихъ.

Записалъ эти случаи потому, что виновные, впоследствии, будучи офицерами, напомнили мнѣ о нихъ.

Крупныя событія мѣстной общественной жизни не проходили безслѣдно для воспитанниковъ. Мы всегда привлекали участіе нашихъ питомцевъ какъ къ торжественнымъ случаямъ, такъ и къ постигавшимъ край бѣдствіямъ, и надо сказать, что они были отзывчивы. Когда въ 1891 году постигъ губернію неурожай и начались бѣдствія отъ голода, служащіе и воспитанники стали дѣлать добровольные взносы. Кадеты просили уменьшить столовое довольствіе, отказываясь отъ третьяго блюда на обѣдомъ, и собирали цѣлыя корзины ржаного хлѣба въ пользу голодающихъ. На собранныя такимъ образомъ деньги были устроены столовыя въ сельскихъ школахъ, гдѣ дѣтямъ давали горячее и кашу.

Иногда нѣсколько воспитанниковъ съ моего разрѣшенія отправлялись въ ближайшія села, чтобы лично производить раздачу пищи и одежды дѣтямъ. Нѣкоторые сельскіе учителя заставляли потомъ дѣтей писать благодарственные намъ письма. Я тщательно собиралъ ихъ, прочитывалъ воспитанникамъ и до сего времени храню ихъ у себя. Читеніе этихъ безхитростныхъ и наивныхъ писемъ необыкновенно поднимало духъ и приводило къ восторгу нашихъ питомцевъ. Не могу отказать себѣ

въ удовольствіи привести здѣсь образцы этихъ писемъ (они помѣщены въ матеріалахъ для исторіи Симбирскаго корпуса).

„Ваше Превосходительство, благодарю Васъ и добрыхъ учениковъ Вашихъ за то, что Вы насъ кормите хлѣбомъ, благодарю и желаю Вамъ и имъ отъ Господа добраго здоровья, подольше, подольше пожить, порадоваться. Если бы не Ваша, милость, то вовсе не сталъ ходить учиться, потому что ходить сталъ бы по міру. Бывало, пойдешь по міру, одеженка плохая ходишь, ходишь, дрогнешь, дрогнешь, а не наберешь себѣ поѣсть, сидишь себѣ голодный, да приходилось и ляжешь спать голодный, а теперь, славу Богу, хоть одинъ разъ повѣшь въ день и то можно терпѣть, дома и былъ хлѣбъ, такъ съ лебедой, а теперь пекутъ для насъ хорошій хлѣбъ, да еще съ горячими щами“. Подписалъ ученикъ Еденевской школы Степанъ Гурьяновъ 1891 года 8-го ноября.

„Благодаримъ Васъ, Ваше Превосходительство, за то, что Вы насъ кормите хлѣбомъ, а кабы Вы насъ не кормили, то бы мы не ходили въ школу, а ходили бы по міру и какъ пойдешь, такъ не подаютъ, а еще смѣются и оговариваютъ. Мы ходили въ школу безъ хлѣба и придешь домой—нѣтъ хлѣба, а когда и былъ, такъ изъ посылки. Дай Богъ Вамъ и Вашимъ ученикамъ добраго здоровья, подольше пожить, порадоваться“. Ученикъ Еденевской сельской школы Яковъ Кулаженковъ. 1891 года 8 ноября.

„Ваше Превосходительство. Благодарю Васъ за Ваше милосердіе, что Вы не оставили насъ голодныхъ. Мы каждый день не уходимъ голодные, а каждый день ѣдимъ кашницу, похлебку и сухари. Господь прогнѣвался на насъ и послалъ голодь. Нѣкоторые два и три дня не ѣдятъ, мы каждый день бываемъ сыты и молимся Богу, чтобы Онъ далъ Вамъ ядоровья и счастья за Ваше добродѣтельство“. Ученикъ Зачудаевскаго училища Петръ Цыпленковъ.

„Христосъ Воскресе. Милостивые Господа. Посылаю я Вамъ благодарное письмо. Поздравляю Васъ съ Праздникомъ и благодарю Васъ за то, что Вы объ насъ позаботились. Все вижу мы кормимся Вашимъ хлѣбомъ и по Вашей милости разговѣлсь говядиной, а несной стануть намъ покувать молоко. Теперь мы должны очень благодарить Васъ за Вашъ подарокъ, потому что мы бы на Пасху не ѣли говядину. Покорный Вашъ слуга ученикъ Сялинскаго училища Павелъ Тихоновичъ Петрушкинъ“. 1892 г. апрѣля 18 дня.

Молва о помощи Симбирскихъ кадетъ голодающимъ уче-

никамъ сельскихъ школъ распространилась за предѣлы Симбирской губерніи и вызвала сочувствіе. Кружокъ Петербургскихъ ученыхъ, писателей, художниковъ и педагоговъ, послѣ своихъ товарищескихъ обѣдовъ присылалъ намъ ежемѣсячно сборъ, который они дѣлали „на усиленіе средствъ пропитываемымъ Симбирскими кадетами школамъ“¹⁾.

Николаевскій Сиротскій Институтъ въ Петербургѣ прислалъ намъ свое пожертвованіе. Англійское „Общество Друзей“ прислало 500 р.

Въ 1887 году въ Симбирскѣ случился большой пожаръ, охватившій нѣсколько кварталовъ при сильномъ вѣтрѣ. Кадеты были въ лагерѣ и многіе находились въ отпуску въ городѣ. Они бросились помогать семьямъ своихъ товарищей, проживавшимъ въ этой части города, а потомъ и постороннимъ, спасали дѣтей и выносили имущество.

Бывшій тогда инспекторъ классовъ полковникъ Литвиновъ, узнавъ о пожарѣ въ городѣ, посѣщилъ туда изъ лагеря, гдѣ онъ оставался за директора во время моего отпуска. Съ большимъ трудомъ онъ сталъ собирать кадетъ и, не видя возможности остановить ихъ благородный порывъ, организовалъ изъ кадетъ правильную помощь для прекращенія пожара и охраненія имущества. (Войска гарнизона были въ лагеряхъ на далекомъ разстояніи отъ города и не могли прибыть). Помощь эта была настолько существенна, что Городская Дума выразила въ письмѣ ко мнѣ свою признательность кадетамъ за оказанныя ими услуги.

Главный Начальникъ генералъ Махотинъ съ своей стороны написалъ свою благодарность кадетамъ, хотя инспектору классовъ приказалъ объявить выговоръ за то, что подвергалъ опасности кадетъ, и мнѣ съ трудомъ удалось убѣдить генерала Махотина отиѣнить это приказаніе.

Съ особымъ отраднымъ чувствомъ я вспоминаю радушіе кадетъ Симбирскаго корпуса и ихъ въ большинствѣ случаевъ

¹⁾ Кружокъ составляли: Я. П. Гуревичъ, В. Д. Сиповскій, В. П. Острогорскій, С. А. Венгеровъ, А. Ф. Ивановъ, В. П. Далматовъ, В. А. Крыловъ, И. Е. Рѣлинъ, Н. М. Миускій, И. К. Ефровъ, И. Ф. Васильевъ, Г. К. Градовскій, А. М. Скабичевскій, А. А. Исмаевъ, О. К. Потовичъ, М. Л. Песковскій, П. А. Гайдебуровъ, Маминъ-Сибирякъ, П. М. Свободилъ, П. В. Пильцъ, А. П. Поповицкій, В. М. Никитинъ, М. Н. Семюковскій, С. Н. Шубинскій, Н. А. Лейкинъ, Р. К. Корифельдъ, Н. Ф. Соловьевъ, В. С. Базашовъ, П. О. Горбуновъ, В. О. Михневичъ.

незлобливое отношеніе къ тѣмъ изъ наставниковъ, которые, какъ имъ казалось, были несправедливы или часто наказывали. Они проявляли трогательное, сердечное и теплое участіе къ семейнымъ интересамъ ихъ товарищей и наставниковъ.

Во время опасныхъ болѣзней и разныхъ несчастій въ семьяхъ служащихъ, кадеты почти всегда выражали, какъ могли, свое участіе къ горю наставниковъ. Служили молебны, подавали просфоры о здравіи, посылали телеграммы О. Іоанну въ Кронштадтъ. Никогда не забуду того трогательнаго участія, которое проявляли кадеты во время болѣзни дифтеритомъ моей дочери. По словамъ служащихъ и разсказамъ доктора, они поджидали его, когда онъ выходилъ отъ больной, чтобы узнать о состояніи ея здоровья, молились за нее и выразили мнѣ самый искренній восторгъ, когда я, послѣ выздоровленія дочери, пришелъ поблагодарить ихъ за сочувствіе.

Новыя лица, вступавшія на службу въ заведеніе, нерѣдко выражали удивленіе мягкости и податливости воспитательному вліянію ихъ новыхъ питомцевъ. Одинъ изъ инспекторовъ, вновь назначенный въ корпусъ, писалъ мнѣ въ Крымъ, гдѣ я находился въ отпуску:

„Двѣ недѣли, проведенныя мною въ стѣнахъ Симбирскаго корпуса, произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе. Я безъ лести долженъ сказать, что дѣло воспитанія стоитъ въ заведеніи высоко, а если и случались послѣ Вашего отъѣзда проступки, то ихъ такъ мало и сами по себѣ такъ ничтожны, что не нарушаютъ правильнаго теченія жизни“.

Когда въ 1891 году генералъ Граве окончилъ смотръ лагерныхъ занятій кадетъ и всѣ служащіе и выпускные кадеты собрались, чтобы провести послѣдній вечеръ, то Граве, остававшійся все время съ нами, уѣзжая, сказалъ мнѣ: „Я никогда ничего подобнаго не видѣлъ;—это не казенное заведеніе, а большая семья“.

Такая благоприятная атмосфера взаимныхъ отношеній въ заведеніи содалась съ самаго начала его существованія благодаря тому, что Симбирскъ былъ глухой провинціальный городъ съ уцѣлѣвшимъ еще патриархальнымъ укладомъ семейной жизни. Отсутствие въ городѣ учреждений, способныхъ удовлетворить духовнымъ запросамъ, невольно сблизало корпорацію педагоговъ съ интересами заведенія, гдѣ протекала ихъ служба и гдѣ они скорѣе всего могли найти удовлетвореніе этимъ запросамъ.

ные. „Вопросы молодости“ возбуждали большой интерес воспитанниковъ, какъ изложенные въ доступной для нихъ формѣ. Много было разговоровъ и споровъ послѣ чтеній. Преподаватель Рязановъ—о литературной дѣятельности нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ; Книперъ—о новѣйшихъ открытіяхъ въ области естествознанія и астрономіи. Пузыревскій—о воспитательномъ значеніи искусствъ. Агаповъ—о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Туркестанѣ и Китаѣ. Покровскій—разныя эпизоды изъ русской и всеобщей исторіи. Законоучитель Успенскій, велъ бесѣды по очереди во всѣхъ возрастахъ. Нѣкоторыя изъ чтеній сопровождались свѣтовыми картинами. Чтенія о Глинкѣ и Чайковскомъ—исполненіемъ отрывковъ изъ ихъ произведеній хоромъ или оркестромъ. Преподавателемъ Ивановымъ были поставлены три дѣтскія оперы: „Котъ, Козелъ и Барашъ“, „Квартетъ“ и „Волшебная Флейта“. 2) Подъ руководствомъ учителя гимнастики—англичанина Варда, устраивались гимнастическіе праздники, на которыхъ воспитанники состязались въ бѣгѣ, лазаніи, прыганіи и фехтованіи и разныхъ играхъ, между прочимъ въ футъ-болъ. Лучшіе при этомъ получали призы. Устраивались также съ нѣкоторою торжественностью бѣга на конькахъ и катанье съ горъ. 3) Въ VII-мъ классѣ бывали диспуты, т. е. нѣкоторые ученики прочитывали свои сочиненія, а желающіе изъ товарищей дѣлали свои замѣчанія, что вызывало оживленные споры, не лишеныя интереса. 4) Устраивались музыкальные вечера. Оркестръ и хоръ воспитанниковъ былъ постепенно поставленъ очень недурно, и вечера эти охотно посѣщались приглашенными лицами изъ родственниковъ кадетъ и жителей города. Вечера эти обыкновенно заканчивались танцами. 5) Домашніе спектакли были любимыми развлеченіями кадетъ. Женскія роли исполнялись дѣвками и дамами изъ семей служащихъ. Домашніе спектакли, музыкальные и танцевальные вечера я считалъ весьма полезными для эстетическаго развитія юношей. Характеръ дѣйствующихъ лицъ наглядно изучался, что служило подспорьемъ при изученіи образцовъ литературы. Приготовленіе къ этимъ вечерамъ украшеній, декораций, костюмовъ и репетицій—значительно наполняя свободное время кадетъ. Обращеніе въ порядочномъ кругу сглаживало угловатость манеръ, вырабатывало порядочное и сдержанное отношеніе къ женскому полу и не только не приносило вреда нашимъ питомцамъ, но положительно было полезно, удерживая многихъ отъ грязныхъ и безнравственныхъ

увлеченій. Характеръ самыхъ вечеровъ былъ простой и певачивый. Въ залѣ приготовлялся столъ съ самоваромъ, печеньемъ, фруктами и бутербродами. Воспитанники сами наливали чай и угощали гостей. Бесѣдовали, устраивали хоръ и кадетскій оркестръ исполняли музыкальныя пьесы. Иногда все это заканчивалось танцами не позже 12 часовъ.

Въ 1893 году спектакли и танцевальныя вечера во всѣхъ корпусахъ были прекращены, такъ какъ Педагогическій Совѣтъ при Главномъ Управленіи и главный начальникъ В. У. З. находили эти развлеченія вредными для нравственности кадетъ, и только въ 1898 г. мнѣ удалось убѣдить военнаго министра въ пользу этихъ развлеченій для молодежи, и онъ приказалъ отмѣнить запрещеніе. Для того, чтобы ознакомить съ художественнымъ исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ, всѣ гастролировавшія въ Симбирскѣ музыкальныя знаменитости приглашались въ наше заведеніе и всегда безвозмездно давали концерты въ залахъ корпуса для воспитанниковъ.

Особенно сильное впечатлѣніе производилъ хоръ Славянскаго, который каждый свой проѣздъ черезъ Симбирскъ доставлялъ удовольствіе кадетамъ, и однажды хоръ его пѣлъ Литургію въ нашей церкви. Онъ пробудилъ въ кадетяхъ любовь къ народнымъ пѣснямъ и далъ имъ образецъ стройнаго и тихаго церковнаго пѣнія.

Связь корпуса съ бывшими его питомцами я старался поддерживать всѣми возможными мѣрами. 8-го сентября, въ день основанія корпуса, всегда устраивался обѣдъ, на которомъ собирались всѣ находившіеся въ городѣ или по близости бывшіе воспитанники нашего заведенія. Установлено было братство Св. Николая для оказанія помощи бывшимъ питомцамъ заведенія при случайно постигшемъ ихъ несчастіи. Всѣ бывшіе питомцы, пріѣзжавшіе въ городъ, безпрелютственно допускались во всѣ помѣщенія корпуса и всегда имѣли входъ на всѣ празднества. При проѣздѣ моемъ чрезъ нѣкоторые города—Петербургъ, Москва, Саратовъ, Рязань, Тифлисъ, бывшіе мои питомцы всегда собирались, и мы проводили время въ воспоминаніяхъ и разсказахъ о ихъ родномъ гнѣздѣ. Я считаю лучшею для себя наградою въ жизни тѣ чудныя минуты, которыя я проводилъ среди своихъ старыхъ питомцевъ, окруженный ихъ лаской и трогательнымъ вниманіемъ.

Хотя въ общемъ воспитанники были благодушны и подат-

ливы, поведение ихъ было удовлетворительно и отношенія къ воспитывающимъ, за нѣсколькими исключеніями, были нормальны, но были и такіе дефекты, съ которыми приходилось вести упорную борьбу. Путь нашъ не былъ усыпанъ одними розами—были и шипы, такъ: крайняя небрежливость и небрежность къ казенному имуществу, въ вещамъ, находившимся въ ихъ пользованіи: книги, столы, мебель, одежда, очень быстро приходили въ печальный видъ. Завести порядокъ и опрятность въ ихъ классныхъ столахъ было очень трудно. Въ этомъ отношеніи вліяніе семьи оказывалось рѣзко. Дѣти изъ семей, гдѣ наблюдалась порядливость, аккуратность и бережливость, легко поддавались въ этомъ отношеніи требованіямъ заведения, но большинство были неисправимы. Можетъ быть и нѣкоторые воспитатели въ этомъ отношеніи грѣшили, недостаточно часто осматривали столы, вещи и книги своихъ питомцевъ. За намѣренно испорченныя вещи приходилось платить родителямъ, но это мало помогало. Пробовали мы объяснять воспитанникамъ, что за исправленіе испорченныхъ вещей будутъ употреблять деньги, предназначенныя на ихъ праздничныя удовольствія, которыхъ они такимъ образомъ лишаются. Прибѣгать къ такой мѣрѣ хотя и не приходилось, такъ какъ удовольствій лишались бы и порядочные кадеты, но, сколько помнится—такая угроза дѣйствовала на непродолжительное время, такъ какъ аккуратные кадеты стали упрекать беззаботныхъ и присматривать за ними. Борьба съ куреньемъ была совершенно безплодна и на нее затрачивалось большое количество энергии со стороны воспитателей, которая могла бы съ большей пользой быть употреблена на другое. Испробованы были всѣ мѣры и строгія наказанія и убѣжденія во вредѣ куренія для здоровья, и чтенія разныхъ статей на эту тему. Наконецъ возникъ вопросъ о разрѣшеніи курить кадетамъ старшихъ классовъ. Явленіе это обычное для всѣхъ учебныхъ заведеній, о причинѣ такого распространенія этой привычки такъ много писалось и говорилось, что новаго едва-ли что можно придумать. Между тѣмъ преслѣдованіе этой привычки практикуетъ среди учащихся скрытность, обманъ и ложь. Допустить же куреніе было бы дѣйствительно вредно для несложившагося еще организма дѣтей. Разрѣшеніе этой дилеммы, кажется, еще не найдено.

Еще болѣе затрудненій представляетъ борьба съ нѣкоторыми дурными качествами нравственной и духовной жизни питомцевъ. Одно изъ печальныхъ явленій, которое проявлялось

время отъ времени,—это приставаніе къ новичкамъ, вымогательство и разныя обиды до побоевъ включительно.

Не могу сказать, чтобы это было заурядное явленіе, но нерѣдко происходило оно подъ давленіемъ нѣсколькихъ физически развитыхъ и грубыхъ мальчиковъ. Воспитатели довольно скоро усматривали ненормальныя отношенія и скоро устранили ихъ разными мѣрами, преимущественно при помощи чтеній подходящихъ исторій и разговорами выясняли мальчикамъ некрасивость и неблагородство такихъ отношеній къ болѣе слабымъ товарищамъ, не имѣющимъ силы дать имъ отпоръ.

Долженъ замѣтить, что случалось—приставаніе и преслѣдованіе одного какого-либо мальчика вызывалось характеромъ и несимпатичными его свойствами. Часто набалованный дома, онъ въ сущности былъ самъ задира, а когда давали ему сдачи, то онъ бѣжалъ жаловаться, а при разборѣ дѣла самъ оказывался виновнымъ. Иногда мнѣ приходилось призывать къ себѣ нѣсколькихъ хорошихъ, надежныхъ кадетъ изъ 7 кл. и поручать имъ разслѣдовать причины приставанія и повліять на маленькихъ, проявлявшихъ жестокость и алчность по отношенію къ своимъ товарищамъ. Попытки мои въ этомъ направленіи почти всегда увѣнчивались успѣхомъ. Преслѣдованія и побои быстро прекращались. Если преслѣдованіе мальчика происходило по причинѣ какихъ-либо безнравственныхъ поступковъ съ его стороны: воровства, обмана, безстыдства, то я всегда къ осужденію его привлекалъ его товарищей. Только общій приговоръ надъ нимъ производилъ на виновнаго потрясающее впечатлѣніе и служилъ хорошимъ урокомъ для прочихъ.

Иногда возникала вражда между цѣлыми классными отдѣленіями. Обыкновенно я въ эту вражду не вмѣшивался, и она прекращалась сама собою. Случалось, что разряжалась дракой, служившей потомъ предметомъ моей насмѣшки надъ ними.

Два раза произошла ссора между воспитанниками кадетскаго корпуса и классической гимназій. Причиной оба раза была ревность и соперничество изъ-за ученицъ женской гимназій. Общими усиліями съ директорами классической и женской гимназій вражда замирала, но не угасала и выходила, случалось, на улицу. Юноши на мои выговоры обыкновенно отвѣчали: „Что же намъ дѣлать, когда насъ толкаютъ и оскорбляютъ, но бѣжать же намъ жаловаться, мы и сами должны уметь по-

стоять за свою честь".—„Защитайте свою честь, но не задирайте сами“, твердилъ я имъ.

Самымъ страшнымъ и тревожнымъ для меня было опасеніе, чтобы не распространилось среди мальчиковъ вновь сформированнаго заведенія половой извращенности и преждевременнаго развитія половыхъ инстинктовъ.

Въ первый годъ было обнаружено 2 случая открытаго онанизма. Я немедленно предложилъ родителямъ взять своихъ сыновей изъ заведенія. Тайный порокъ видимо существовалъ въ заведеніи, но онъ былъ тайный и никогда не переходилъ въ цинизмъ, что было весьма важно въ смыслѣ задержки его распространенія. Если мальчикъ предавался этому пороку тайно, стыдясь и скрывая это отъ товарищей, которые преслѣдовали бы его за это насмѣшками, то это было—половина бѣды. Борьба съ этимъ порокомъ всегда была трудна, но особенно она стала трудной, когда наступило порнографическое время въ нашемъ отечествѣ. Всѣ рекомендуемая мѣры въ различныхъ сочиненіяхъ и лекціяхъ носятъ такой общій характеръ и ничего, кромѣ словъ, въ себѣ не вмѣщающій. Развитіе воли, откровенныя бесѣды съ воспитателемъ, довѣрчивое сознание къ нему въ своемъ пороки, чтеніе навидательныхъ книгъ, научное знакомство съ актомъ оплодотворенія и проч. и проч. Всѣ эти приемы одинаково необходимы для развитія всей духовной жизни питомцевъ и выработки ихъ характера. Указывать на нихъ, какъ на спеціальныя для сексуальнаго воспитанія, значитъ топтаться на одномъ мѣстѣ и повторять давно и всѣхъ навѣстныя истины. Едва-ли найдется такое заведеніе, въ которомъ этотъ порокъ въ большей или меньшей степени не существовалъ. Я долженъ сознаться, что всегда набѣгалъ говорить съ своими питомцами, о ихъ пороки и вообще о половыхъ актахъ. Я чувствовалъ себя неспособнымъ для такихъ разговоровъ и какъ-то стыдился ихъ. Я думалъ, что ежели мальчикъ со мною будетъ беззащитно и откровенно говорить о такихъ вещахъ, то ему совершенно будетъ не стыдно говорить съ товарищами, называя предметъ своимъ именемъ. Миѣ казалось, что чувство стыдливости въ мальчикѣ наиболее гарантируетъ не искушеннаго отъ паденія. Я бывалъ доволенъ, когда мальчикъ стыдится своей наготы и выходя, напримѣръ, изъ воды во время купанья, инстинктивно прикрывался рукою и спѣшилъ надѣть рубашку. Отсутствіе всякой стыдливости можетъ быть только у маленькихъ дѣтей, а не у тѣхъ, которыя

поступаютъ въ наши заведенія. Можетъ быть я и ошибался, считая, что разговоры съ мальчиками о половыхъ чувствахъ и ихъ извращеніяхъ лежатъ внѣ моей компетенціи и что функціи эти должны лежать на законоучителѣ, докторѣ и родителяхъ.

Вообще воспитателя, по моему мнѣнію, могутъ касаться этихъ вопросовъ очень осторожно, издали, возвышая въ бесѣдахъ и идеализируя женщину и съ омерзѣніемъ относясь даже къ намекамъ на что-либо безнравственное. Очень опасно воспитателямъ вступать въ откровенные разговоры о половыхъ извращеніяхъ. Нужно для этого большое умѣнье и тактъ, чѣмъ далеко не всѣ воспитатели обладаютъ, а безъ этого можно принести не пользу, а вредъ. Половые инстинкты такъ чудовищно владѣютъ человѣкомъ при нѣкоторыхъ особенностяхъ организма и наследственности, что бороться съ ними не только постороннему человѣку при помощи благочестивыхъ разговоровъ, но и самому, одержимому повышенной чувственностью—почти невозможно. Мнѣ всегда казалось, что изъ всѣхъ волъ чувственности, уничтожить конхъ мы не можемъ, надо до нѣкоторой степени мириться съ меньшимъ и болѣе естественнымъ.

Не забуду одного случая, когда я былъ инспекторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Юноша лѣтъ 17, уроженецъ юга, полный силъ и здоровья, былъ очень хорошимъ и неглупымъ юношей и вдругъ совершенно измѣнился, сталъ раздражителенъ, дерзокъ, дѣнивъ. Мы недоумѣвали. Однажды я сидѣлъ въ кабинетѣ у директора П. И. Носовича, и мы вели бесѣду объ этомъ юношѣ и совѣщались, что бы такое сдѣлать, чтобы вернуть его на прежнюю линію. Позвали его самого, и директоръ спросилъ его, что такое съ нимъ случилось, что онъ такъ невозможно сталъ вести себя. Юноша потупился, густая краска залила его лицо, и онъ глухимъ голосомъ сказалъ: „Павелъ Ивановичъ, мнѣ стыдно сказать, но я ужасно мучаюсь... Мнѣ хочется..., я не могу съ собой справиться... Мнѣ нужна женщина“... Мы оба потупились и долго молчали, наконецъ Павелъ Ивановичъ вынулъ изъ кошелька кредитную бумажку, подалъ ее юношѣ и, не глядя на него, сказалъ: „Ступай“. Я ужаснулся и высказалъ Павлу Ивановичу, что онъ такимъ образомъ санкціонируетъ развратъ. „Что же, по вашему мнѣнію, отвѣтилъ мнѣ П. И., лучше было бы, если бы онъ другимъ способомъ удовлетворилъ свое возбужденіе“.

Я не видѣлъ ала, если мальчики ухаживали и влюблялись въ порядочныхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ; это во всякомъ слу-

чаѣ было лучше, чѣмъ порнографическая литература и скабрёзныя картины, оградить отъ которыхъ нашихъ воспитанниковъ внѣ стѣнъ заведенія не было никакой возможности. Чистая, идеальная любовь, обыкновенно, не возбуждаетъ половыхъ инстинктовъ у юноши, а скорѣе сдерживаетъ ихъ. Возможны конечно исключенія, если дѣвушка сама слишкомъ развѣяна и плохо воспитана, что всегда можно усмотрѣть и своевременно устранить. Мнѣ удавалось даже утилизировать чистую влюбленность юношей. Я обращался иногда съ просьбой къ предмету его обожанія—повліять въ хорошую сторону на ея обожателя, если онъ былъ лѣнивъ или имѣлъ недостатки въ характерѣ.

Воспитатель въ закрытомъ учебномъ заведеніи можетъ вліять на задержку половыхъ инстинктовъ своихъ питомцевъ и на успѣшную борьбу съ ними кромѣ общихъ мѣръ для воспитанія: 1) охраняя и поддерживая всѣми силами стыдливость и съ ужасомъ относясь къ половымъ извращеніямъ; 2) превознося въ разговорахъ и при помощи литературы высокое качество юноши, если онъ обладаетъ мужествомъ твердо отстаивать свои чистыя убѣжденія передъ толпою товарищей, идущихъ на безнравственное дѣло, которому онъ лично не сочувствуетъ и не одобряетъ; что такая стойкость съ его стороны не только не идетъ въ разрѣзъ съ обычаями товарищества, но напротивъ доказываетъ высокое ихъ пониманіе, и великая заслуга человѣка, если онъ устоитъ противъ вѣблужденія толпы, чѣмъ непрѣменно пріобрѣтаетъ себѣ уваженіе и послѣдователей; 3) принимать всѣ доступныя ему мѣры, чтобы не допускать чтеній безнравственной литературы и картинъ; 4) развивать потребность въ чистоплотности согласно указаній гигиены. Большаго нельзя требовать отъ воспитателя. Надо между прочимъ помнить общеизвѣстную истину, что никто не можетъ дать того, чего самъ не имѣетъ.

Воспитанники наши формировались не исключительно подъ вліяніемъ режима и идей, существовавшихъ въ стѣнахъ заведенія. Родители, родственники и знакомые, къ которымъ они ходили въ отпускъ въ теченіе года и среди которыхъ проводили цѣлое лѣто, конечно внесли оченъ многое въ міросозерцаніе и характеръ нашихъ питомцевъ.

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что внѣшнее вліяніе въ большинствѣ случаевъ не служило помощію въ нашемъ дѣлѣ. Рѣзкая критика порядковъ заведенія и отдельныхъ членовъ

нашей корпораціи происходила вачастую въ присутствіи и при участіи питомцевъ корпуса и конечно колебала авторитетъ и уваженіе къ наставникамъ и требованіямъ заведенія, которыя считались родителями излишними и не только ими не поддерживались, но и нарушались при ихъ содѣйствіи. Случались кутежи и даже распутство при участіи взрослыхъ членовъ семьи. Строгое отношеніе къ нимъ со стороны заведенія, когда они обнаруживались, вызывало открытій протестъ со стороны родственниковъ.

Помню, однажды я былъ съ визитомъ въ одномъ семействѣ изъ интеллигентнаго общества Симбирска. Въ гостиной, гдѣ приняла меня хозяйка дома, былъ ея сынъ кадетъ и еще двое его товарищей. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, она обратилась къ кадетамъ:— „Господа, что же вы не курите, пожалуйста не стѣсняйтесь“, и когда тѣ смущенно посмотрѣли на меня, то почтенная дама обратилась ко мнѣ: „Вѣдь Вы, конечно, не запретите въ моемъ домѣ курить моимъ гостямъ“ и въ присутствіи кадетъ начала цѣлый трактатъ, что слѣдуетъ разрѣшить имъ курить, что лучше, если они будутъ это дѣлать явно, а не тайно, съ обманомъ. Юноши, сконфуженные, тотчасъ одинъ за другимъ удалились изъ гостиной, вѣроятно въ отдѣльную комнату для куренія не въ моемъ присутствіи.

Однажды войдя въ буфетъ при театрѣ, я увидѣлъ господина, который наливалъ въ рюмку водку себѣ и своему сыну кадету, тутъ же стоящему. Увидя меня, онъ, нисколько не смущаясь, любезно обратился ко мнѣ: „Ваше Превосходительство, не выкушаете ли вмѣстѣ съ нами“. Въ отвѣтъ я обратился къ кадету:— „Отправляйтесь немедленно въ корпусъ“.

Въ перепискахъ съ родителями я часто получалъ благодарности и восхваленія себѣ и заведенію, но нрѣдко и жалобы на отдѣльныхъ лицъ и порицанія принятымъ мѣрамъ относительно ихъ дѣтей. Хотя я всегда внимательно относился къ этимъ жалобамъ, но очень рѣдко находилъ ихъ основательными, а подчасъ онѣ возмущали меня, а случалось я смѣшили.

Какъ образецъ, приведу выдержку изъ письма одного родителя:

„Велѣдствіе полученныхъ мною отзывовъ о поведеніи и занятіяхъ моего сына, кадетъ V класса, имѣю честь просить Ваше Превосходительство употребить противъ него отеческія мѣры, хорошенько посѣчь его розгами, и я вполне увѣренъ— лѣнь и баловство совершенно прекратятся. Если одинъ окажется мало, то по пяти разъ повторять нѣ день, пока не получится

хорошихъ результатовъ, а что будетъ въ этомъ полъза, то прошедшія каникулы въ моемъ домѣ имѣли большой успѣхъ въ его занятіяхъ и поведеніи“.

Подобныя пожеланія и рекомендаціи такихъ мѣръ со стороны родителей я получалъ не разъ. Былъ даже случай, когда отецъ, пріѣхавшій изъ отдаленной мѣстности навѣстить сына, пришелъ ко мнѣ и просилъ моего распоряженія приготовить розги и указать мѣсто, гдѣ онъ могъ бы высѣчь своего сына. Случалось, что отецъ формально просилъ не отпускать сына къ матери и обратно. Частые дефекты современной семейной жизни неблагоприятно отражались на дѣтяхъ. Неприглядная сторона ихъ, можетъ быть, иногда и служила поучительнымъ примѣромъ для вдумчивыхъ юношей, но вообще она вносила горечь и какую-то разочарованность въ дѣтскую душу. Заведеніе не могло вторгаться въ эту сферу, хотя и приходилось мнѣ иногда становиться посредникомъ въ спорахъ родителей изъ-за дѣтей.

Тогда еще не существовало родительскихъ комитетовъ, но я иногда приглашалъ къ себѣ родителей для частной педагогической бесѣды. Особой пользы за весьма малымъ исключеніемъ для дѣла изъ этого не выходило.

Впослѣдствіи въ Симбирскѣ образовался родительскій педагогическій кружокъ съ цѣлью сближенія родителей и учителей. Я очень сочувствовалъ ему и съ своей стороны способствовалъ осуществленію этой мысли. Но онъ вскорѣ перешелъ на политическія темы и занялся пропагандой ихъ.

Я уже оставилъ службу и покинулъ Симбирскъ, когда получились результаты дѣятельности этого кружка, результаты чуждые его первоначальной цѣли.

Въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго столѣтія слышались въ обществѣ и литературѣ нападки на наши военно-учебныя заведенія. Указывалось на слабость умственного развитія кадетъ, на отсутствіе въ нихъ интереса къ книгамъ, на недостатокъ самостоятельности мышленія и отсутствіе принциповъ нравственного поведенія. Говорили, что классная дисциплина имъ незнакома и привлечъ вниманіе учениковъ къ предмету занятій на урокъ становится почти невыполнимою задачей. Постоянно практикуются — отказъ, уходъ въ лазаретъ и до крайности искусно организованныя подсказыванье и списыванье. Приготовленіе уроковъ плохо и показываетъ полное равнодушіе къ наукѣ. Стремленіе кадетскихъ корпусовъ, чтобы всѣ воспитанники успѣшно оканчивали курсъ заведенія, вызывало сочув-

стнѣ, но утверждали, что цѣль если и достигается, то только крайней снисходительностью въ оцѣнкѣ успѣховъ, а въ дѣйствительности познанія учениковъ крайне слабы и развѣ допущенныя послабленія въ требованіяхъ научныхъ знаній идутъ все дальше. Всѣмъ этимъ яко-бы объясняется, что при сравнительно лучшихъ внѣшнихъ условіяхъ кадетскіе корпуса достигаютъ въ учебномъ дѣлѣ значительно худшихъ результатовъ, нежели гимназій и реальныя училища.

Причину такого мрачнаго положенія учебнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ видѣли въ противорѣчій между задѣлами воспитывающаго обученія и требованіями военной субординаціи, въ преждевременной спеціализаціи учащихся на поприщѣ военной выправки, которая яко-бы стремится всѣхъ обезличить и нивелировать, все сводитъ къ служебному формализму, забываетъ самолюбіе, требуетъ полнаго послушанія, дѣйствуя не убѣжденіемъ, а силою власти—приказаніемъ; караетъ не заботясь объ исправленіи и что военный ореолъ воспитателя подрываетъ внѣшній авторитетъ представителя науки.

Указывалось также на небезпечность и ненормальность положенія учебнаго персонала какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ недостаткѣ свободы и инициативы въ преподаваніи. Наконецъ указывалось на излишнюю регламентацію и нумѣренное желаніе направлять дѣло циркулярами и предписаніями свыше.

Во всѣхъ этихъ нареканіяхъ была доля правды, но краски были слишкомъ сгущены и видимо накладывалась людми мало знакомыми съ жизнью военно-учебныхъ заведеній. Мнѣ пришлось тогда же возражать въ печати противъ такихъ преувеличенныхъ заключеній.

Въ томъ, что въ обществѣ и печати существовало недовольство на неудовлетворительность нашихъ средне-учебныхъ заведеній и въ особенности военныхъ, нѣтъ ничего безотраднѣе и это вполне естественно. Было бы странно и пожелательно, если бы общество и педагога пришли къ убѣжденію, что въ школьномъ дѣлѣ все обстоитъ благополучно и болѣе не требуется никакихъ поправокъ. Жизнь властно требуетъ движенія, предлагая все новые и новые вопросы.

Недостатокъ классной дисциплины въ учебныхъ заведеніяхъ въ значительной степени лежитъ въ личныхъ свойствахъ учителя, ибо одно и то же классное отдѣленіе нерѣдко представляетъ разнообразныя картины класснаго благоустройства, но, правда,

бываютъ и такіе классы, на которые жалуются почти всѣ преподаватели.

Безъ сомнѣнія, въ каждомъ учебномъ заведеніи, будь оно военное или иное, всегда есть дѣти и юноши малоспособные, лѣнивые по натурѣ и нравственно испорченные, не поддающіеся по разнымъ причинамъ воздѣйствію ни педагоговъ, ни родителей. Они дѣйствительно тормозятъ классную работу, мѣшаютъ учителямъ и товарищамъ. Чѣмъ больше такихъ субъектовъ на урокъ, тѣмъ чаще возможны случаи нарушенія класснаго порядка даже у хорошихъ и опытныхъ преподавателей. Для исправленія этихъ по истинѣ жалкихъ существъ, каждое заведеніе принимаетъ мѣры, которыя однако же не всегда увѣличиваются успѣхомъ и тогда приходится удалять ихъ изъ заведенія, что бываетъ необходимо для пользы всѣхъ остальныхъ.

Но вотъ тутъ военно-учебныя заведенія поставлены въ весьма неблагоприятныя условія сравнительно съ другими школами, вслѣдствіе чего и является, быть можетъ, больше затрудненій въ достиженіи образцовой классной дисциплины.

Кадетскіе корпуса кромѣ учебно-воспитательныхъ цѣлей преслѣдуютъ въ известной степени и цѣли благотворительныя. Въ нихъ воспитываются преимущественно дѣти военно-служащихъ, которые по роду своей службы часто жертвуютъ своею жизнью на пользу Государству, которое, въ уваженіе службы таковыхъ, приходитъ имъ на помощь, беря на себя воспитаніе ихъ дѣтей.

Въ гимназіяхъ, реальныхъ и другихъ училищахъ исключеніе изъ заведенія дѣлается довольно просто: Педагогическій Совѣтъ постановляетъ рѣшеніе и оно немедленно приводится въ исполненіе съ донесеніемъ попечителю округа. Исключенные мальчики тотчасъ же обращаются къ обычному занятію той среды, изъ коей они происходятъ. Родители-ремесленники пристраиваютъ мальчика къ ремеслу, купецъ посылаетъ его въ лавку, въ земледѣльческомъ быту тоже находится для него работа, мѣстное дворянство можетъ помѣстить его въ другое учебное заведеніе, даже мелкій чиновникъ скорѣе найдетъ возможность куда-нибудь его пристроить.

Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находятся дѣти въ кадетскихъ корпусахъ. Ихъ дальнѣйшая участь бываетъ самая печальная.

Родителямъ трудно, часто невозможно бываетъ куда-либо пристроить изгнаннаго. Ни ремесленникомъ, ни прислугой не позволяютъ ему сдѣлаться известныя традиція и соціальное

положеніе родителей, а матеріальныхъ средствъ для болѣе подходящаго исхода нѣтъ. Положеніе по истинѣ трагическое.

Тотъ, кому приходилось видѣть отчаяніе матерей въ подобныхъ случаяхъ, пойметъ смыслъ моихъ словъ. А ежели у мальчика нѣтъ ни отца, ни матери, ни близкихъ родственниковъ, то вѣдь такого ребенка приходится изгнать на улицу. Надо при этомъ замѣтить, что жизнь въ интернатѣ сближаетъ ребенка съ воспитателемъ и другими членами корпораціи, между ними образуется невидимая связь, и на исключеніе мальчика на улицу часто не подымается рука. Въ силу этого нерѣдко приходится держать въ заведеніи дѣтей видимо неспособныхъ, лѣнивыхъ и испорченныхъ, дѣлать всевозможныя снисхожденія въ ихъ научныхъ занятіяхъ, чтобы довести до окончанія курса и тѣмъ понижать уровень знаній и нравственныхъ качествъ будущихъ юнкеровъ и офицеровъ. Надо, однако, отмѣтить, что бывають случаи, когда эта снисходительность вознаграждается, и изъ обреченнаго на изгнаніе выходитъ хорошій работащій юноша. Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, помимо теоретическихъ соображеній о необходимости для школы доводить всѣхъ своихъ питомцевъ до окончанія курса, образуется постепенно, иногда довольно значительный, балластъ для заведенія въ видѣ малоспособныхъ, лѣнивыхъ и испорченныхъ дѣтей, балластъ, который понижаетъ общій уровень требованій и тормозитъ успѣшный ходъ классныхъ занятій. Преподаватель и воспитатель производятъ значительную затрату энергіи, отнимая ее отъ дѣла болѣе плодотворнаго, отъ работы со способными и желающими учиться учениками. Послѣдніе скучаютъ отъ пережевыванія уже усвоеннаго ими матеріала, мало-по-малу отвыкають отъ необходимости извѣстнаго умственнаго напряженія, поддаются временной апатіи на уроки или занимаются дѣломъ, не относящимся къ уроку. Здѣсь же заключается причина неспокойнаго состоянія класса. Преподаватель волнуется, теряетъ необходимое равновѣсіе и малоопытный или малодаровитый дѣлаетъ промахи. Это еще болѣе подливаетъ масла въ огонь и поневолѣ ему приходится искать поддержки во власти воспитателя или инспектора классовъ. Во всемъ сказанномъ, я думаю, лежитъ главная причина того, что классную дисциплину быть можетъ труднѣе поддерживать въ кадетскихъ корпусахъ, нежели въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ то утверждаютъ въ упомянутыхъ нареканіяхъ, ежели они справедливы.

Какимъ же способомъ можно разрѣшить эту дилемму: не по-

нижай уровни познаній и развитія учениковъ, дать имъ возможность докончить свое образованіе.

Кромѣ усиленныхъ работъ о неуспѣшныхъ, посредствомъ дополнительныхъ уроковъ усиленной помощи воспитателей въ часы приготовленія уроковъ, въ послѣднее время сталъ часто практиковаться еще переводъ безнадежныхъ учениковъ изъ одного Корпуса въ другой. Мѣра эта иногда оказывается успѣшной. Мальчкѣ, переведенный въ другое заведеніе, при иной обстановкѣ, окруженный другими людьми, наученный горькимъ опытомъ и свободный отъ составившейся и тяготѣвшей надъ нимъ дурной репутаціи, подтягивается, принимается за работу и хотя не блестяще оканчиваетъ курсъ. Всѣ эти мѣры, однако же, далеко не достигаютъ цѣли, имѣютъ и обратную сторону, и балластъ продолжаетъ тяготить заведеніе въ ущербъ общему ходу дѣла.

Прежде, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, существовали военныя прогимназіи, переименованныя потомъ въ военныя школы. Военныя гимназіи, а потомъ кадетскіе корпуса имѣли возможность переводить въ другое заведеніе своихъ неудачниковъ. Тамъ курсъ былъ пониженъ и посильный для слабыхъ учениковъ. Черезъ это выигрывали и корпуса, и дѣти, и родители.

Заведенія низшаго типа въ системѣ военно-учебныхъ заведеній были учреждены или преобразованы въ эпоху реформъ въ 80-хъ годахъ именно съ цѣлью дать возможность малоспособнымъ дѣтямъ пройти курсъ болѣе для нихъ посильный и получить способъ для дальнѣйшаго существованія. Мѣра эта была въ высшей степени гуманной и необходимой при извѣстномъ откликѣ благотворительности, которую носили военныя гимназіи. Кромѣ того, для нравственно-испорченныхъ дѣтей была Вольская военная школа, имѣвшая спеціальныи характеръ исправительнаго учебнаго заведенія. Имѣя возможность своевременно освобождаться отъ непригоднаго матеріала, военныя гимназіи могли тогда выше держать уровень научныхъ знаній, да и возрастъ учащихся тогда рѣже переходилъ извѣстный предѣлъ, выше котораго неудобно держать юношей при одинаковомъ режимѣ съ 10—11 лѣтними дѣтьми. Уничтоженіе низшаго типа военно-учебныхъ заведеній отразилось крайне неблагоприятно на положеніи учебнаго и воспитательнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ.

Не знаю, какія причины вызвали уничтоженіе военныхъ школъ.

Думаю, что и военныя училища, въ которыя теперь иногда попадаютъ крайне слабо подготовленные кадеты, тоже выиграли бы, если бы военныя школы продолжали существовать.

Что касается упрековъ въ отсутствіи научныхъ интересовъ и любви къ умственнымъ занятіямъ нашего юношества въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, то такое огульное обвиненіе несправедливо и неѣрно. Искать чистаго интереса къ наукѣ въ средней школѣ, особенно въ младшихъ классахъ, мнѣ кажется, преждевременно, ибо тамъ потребляются корни ученія, которые по старинному изреченію — горьки. Въ господствующемъ нынѣ усиленномъ стремленіи облегчить дѣтямъ трудъ пріобрѣтенія знаній, съ цѣлью возбудить въ нихъ охоту къ нему, мнѣ кажется, есть нѣкоторое увлеченіе. Ученье есть все-таки серьезный трудъ, а не исключительно пріятное препровожденіе времени, каковымъ желаетъ его сдѣлать современная педагогія, которая вся ушла въ заботу объ облегченіи.

Иногда облегченіе не только не способствуетъ развитію, а напротивъ вызываетъ отупленіе въ томъ удовольствіи, которое испытываетъ человѣкъ отъ сознанія преодоленія труднаго дѣла. Впечатлѣнія, выжитыя въ дѣтствѣ собственнымъ усиленіемъ, гораздо глубже остаются въ послѣдующей жизни, чѣмъ самая облегченная система. Чистый интересъ къ знанію начинаетъ проявляться только въ старшихъ классахъ у отдѣльныхъ учениковъ и постепенно заражаетъ другихъ.

Въ кадетскихъ корпусахъ это наблюдается, какъ и въ другихъ школахъ, и каждый годъ многіе изъ учениковъ оканчиваютъ курсъ съ стремленіемъ работать дальше. Наши военныя академіи не терпятъ недостатка въ офицерахъ, желающихъ продолжать научныя занятія, а напротивъ, не могутъ удовлетворить всѣхъ желающихъ. Можетъ быть ученики гимназій и реальныхъ училищъ производятъ впечатлѣніе болѣе развитыхъ юношей. Объясняю это тѣмъ, что они лишній годъ посвящаютъ курсу среднихъ учебныхъ заведеній, что въ этомъ возрастѣ составляетъ значительный плюсъ. Надо еще принять во вниманіе, что воспитанники кадетскихъ корпусовъ, обставленные всѣмъ необходимымъ, не знаютъ нужды, не принуждены добывать себѣ въ годы ученія средствъ къ жизни и плату за обученіе, какъ то нерѣдко случается съ учениками другихъ учебныхъ заведеній, не имѣющихъ въ себѣ элементовъ благотворительности. Между ними есть такіе, которые послѣ классовъ идутъ на заработокъ въ качествѣ рететировъ. Они такимъ образомъ видятъ тотчасъ матеріальный, а не чисто на-

учный интересъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ, утилизируютъ пріобрѣтенныя знанія. Такимъ образомъ, трудъ ихъ ощутительно вознаграждается, и это служитъ вѣскимъ стимуломъ для успѣшности ихъ научныхъ занятій, гораздо большимъ, чѣмъ всяческія облегченія. Большинство учениковъ открытыхъ учебныхъ заведеній пользуются большей свободой, чаще вращаются въ средѣ тѣхъ старшихъ товарищей, которые учатся или окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Общеніе съ ними развиваетъ ихъ умственно, хотя весьма часто неправильно. Не рѣдко можно встрѣтить среди нихъ юношей, съ увѣренностью трактующихъ о предметахъ, мало доступныхъ ихъ пониманію, и погруженныхъ въ чтеніе книгъ, для нихъ непосильныхъ; отъ этого, быть можетъ, и происходитъ обманчивое впечатлѣніе объ ихъ умственномъ развитіи. Не знаю, слѣдуетъ ли этому радоваться или сожалѣть. Охота къ осмысленному чтенію серьезныхъ книгъ имѣеть, конечно, немаловажное значеніе для общаго развитія юношей. Такія чтенія организуются во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ и практикуются больше или меньше въ зависимости отъ личнаго педагогическаго состава, отъ равныхъ, часто побочныхъ обстоятельствъ.

Когда внѣклассныя чтенія удается хорошо обставить, то замѣчается, что настроеніе кадетъ и ихъ отношенія къ ученію и своимъ нравственнымъ качествамъ, къ порядкамъ заведенія, къ наставникамъ, товарищамъ и прислугѣ принимаютъ болѣе разумный и вдумчивый характеръ, круговоръ ихъ дѣлается шире, замѣчается усиленіе духовныхъ интересовъ. Большинство кадетъ очень охотно и съ интересомъ слушаютъ эти чтенія, многіе охотно входятъ въ область отвлеченныхъ вопросовъ, варождающихся въ ихъ головахъ при этихъ чтеніяхъ. Это даетъ обильный матеріалъ для разговоровъ съ наставниками.

Не меньшее значеніе имѣеть организація кружковъ между учениками съ научной или художественной цѣлью. Все это практикуется въ кадетскихъ корпусахъ.

Надо, однако же, замѣтить, что и въ хорошемъ должно быть чувство мѣры. Не мало есть кадетъ, которые читаютъ много и увлекаются чтеніемъ. Такое неумѣренное чтеніе, доставляя пріятное и легкое занятіе, пріучаетъ скользить по теченію чужихъ мыслей, ослабляетъ способность къ самостоятельному мышленію и вдумчивости. Быстрая смѣна впечатлѣній и идей колеблетъ привычку къ болѣе серьезному труду. Не рѣдко юноша, много читающій, оказывается слабымъ въ знаніи того, что составляетъ предметъ уроковъ.

Неумѣренная склонность къ разговорамъ на отвлеченныхъ темы можетъ образовывать резонеровъ и фразеровъ, которые съ удовольствіемъ будутъ разсуждать и спорить на разныя темы: о свободѣ воли, о счастьи, о значеніи труда, объ общественныхъ идеалахъ и проч., не имѣя при этомъ элементарныхъ фактическихъ знаній. Споры эти носятъ голословный бездоказательный характеръ и могутъ образовывать привычку считать легкимъ и понятнымъ то, что въ дѣйствительности трудно, и вмѣсто добраго и яснаго настроенія внесутъ чувство вѣчной тревоги. Частое отвлеченіе отъ здравой дѣйствительности въ область чистыхъ идей, непосильныхъ для неокрѣпшаго ума, иногда порождаетъ безмѣрное самоувѣреніе, постоянное недовольство существующимъ и пагубную привычку искать причину всѣхъ золъ и собственныхъ неудачъ не въ себѣ, а въ себѣ. Юноши впадаютъ въ какую-то странную мизантропію и разочарованность и утрачиваютъ самое цѣнное свойство молодости — живнерадостность. Поэтому внѣклассное чтеніе должно вызвать самое внимательное и серьезное отношеніе къ себѣ со стороны педагогической корпораціи. Оно, по моему мнѣнію, должно служить дополненіемъ къ различнымъ отраслямъ знаній, преимущественно литературныхъ, проходимыхъ на курсѣ. Тогда эти чтенія являются могущественнымъ средствомъ для возбужденія интереса къ наукамъ.

До крайности искусно организованное подсказываніе, считываніе и проч., за что такъ усердно упрекаютъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, конечно, существуетъ вездѣ и существовало всегда, и на эти грѣхи, я думаю, не слѣдуетъ смотрѣть очень мрачно, оно вовсе не указываетъ на дурныя свойства дѣтей и юношей. Въ этихъ грѣхахъ, на мой взглядъ, есть даже симпатичная сторона: товарищъ забылъ, не знаетъ чего-либо, сбился, „захлестнуло“, какъ говорятъ, — ну, какъ же не придти на помощь, даже съ рискомъ для себя. Никогда никто изъ учащихъ не считалъ это мошенничествомъ, а напротивъ осуждается тотъ, кто, видя бѣду, не поспѣшилъ на выручку и равнодушно смотритъ на провалъ и неудачу товарища. Въ это время никто не думаетъ, что такимъ наивнымъ способомъ обмануть сколько-нибудь опытнаго преподавателя трудно и помочь ничего незнающему тоже нельзя.

Мнѣ случалось, замѣтивъ покушеніе кого-либо подсказать отвѣчающему, гонорить: „Вы желаете подсказать товарищу. Подскажите, — я Вамъ разрѣшаю“. Послѣ подсказа дѣло не налаживалось. П два и три раза разрѣшалъ подсказывать, а

часто никакого благого результата отъ этого не получалось. Случалось мнѣ просто давать отвѣчающему въ руки учебникъ, чтобы онъ прочелъ чего не знаетъ. И если онъ дѣйствительно не зналъ или не понималъ того, что ему надо было отвѣчать, то и учебникъ не всегда приносилъ пользу. Если же это средство помогало, то я могъ только радоваться: значить, зналъ да забылъ, что всегда возможно при томъ тревожномъ состояніи духа, въ которомъ многіе находятся при отвѣтахъ, а въ особенности на экзаменахъ подъ давленіемъ балловъ 5 или 6, рѣшающихъ дальнѣйшую судьбу его. Сознаю, такія мысли могутъ показаться ересью въ глазахъ педагоговъ.

Такъ называемые общіе отказы всѣмъ классомъ бываютъ:— иногда превосходятъ они по причинамъ уважительнымъ, т. е. когда дѣйствительно классъ заваленъ работой, а чаще въ угоду нѣсколькихъ учениковъ и по товарищескому чувству и обычаю остальныхъ.

Когда я былъ преподавателемъ, то въ случаѣ общаго заявленія, что урокъ не успѣли приготовить, я, обыкновенно спросивъ причину, говорилъ „не приготовили, ну такъ садитесь и готовьте“ и минутъ черезъ 20 начиналъ спрашивать и объяснять дальше. Отвѣты большею частью получались удовлетворительные и никакого неудобства я отъ этого не испытывалъ. Я думаю, что такіе отказы существуютъ во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Перехожу къ тѣмъ причинамъ неудовлетворительности въ кадетскихъ корпусахъ положенія учебной и воспитательной части, на кои указываютъ въ литературѣ и обществѣ. Начну съ военной дисциплины. Я знаю и педагоговъ, которые считаютъ, что элементы военной дисциплины, принятой въ кадетскихъ корпусахъ, обезличиваютъ ихъ питомцевъ, подавляютъ самостоятельность мысли и проч.; они считаютъ, что военная дисциплина неумѣстна въ школѣ, ибо ничего общаго съ школьной дисциплиной не имѣетъ. По моимъ личнымъ наблюденіямъ и опыту, я не могу раздѣлять такого взгляда и думаю, что школьная дисциплина есть та же военная, разумно понимаемая и примѣняемая къ возрасту. Та и другая въ сущности преслѣдуетъ однѣ и тѣ же цѣли и имѣетъ въ себѣ одинаковый внутренній смыслъ. Думаю даже, что въ такомъ видѣ, какъ она понимается въ кадетскихъ корпусахъ, она не помѣшала бы дѣлу и въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ.

Военная дисциплина, напримѣръ, требуетъ извѣстнаго виѣш-

наго вида, известной манеры по отношенію къ другимъ людямъ, умѣнья и прилично себя держать въ обществѣ. Почтительность къ старшимъ вѣсколько не мѣшаетъ тому же ребенку или юношѣ свободно, довѣрчиво и откровенно бесѣдовать съ старшими. Выдержка и тактъ, т. е. умѣнье быстро переходить отъ отношеній дѣловыхъ, служебныхъ къ отношеніямъ иного житейскаго порядка,—умѣнье очень цѣнное и въ военной средѣ было хорошо развито (Дружба дружбой, а служба службой). Юноша сдержанный въ манерахъ скорѣе пріобрѣтетъ внутреннее спокойствіе. Слѣдовательно, забота о приличіи и благовоспитанности служить также средствомъ для душевнаго воспитанія, да и вообще хорошія привычки служатъ могущественнымъ союзникомъ въ воспитаніи человѣка, оставляя ему больше досуга и сохраняя его силы для сознательной дѣятельности.

Думаю, что такая выправка ничего отталкивающаго въ себѣ не имѣетъ и не противорѣчитъ цѣлямъ всякой школы. Военная дисциплина требуетъ повиновенія и исполненія своихъ обязанностей не только за страхъ, но и за совѣсть. Уваженіе къ личности и чужому мнѣнію, забота и внимательное отношеніе къ младшимъ, паходчивость, забвеніе себя въ интересахъ дѣла и долга,—все это, требуемое военной дисциплиной, развѣ не цѣнно для всякой школы или противорѣчитъ принципамъ школьной дисциплины. Едва-ли здѣсь можетъ быть два различныхъ мнѣнія. Я думаю, рѣчь можетъ идти только о вѣншихъ приемахъ для достиженія этихъ общихъ цѣлей и для военной и вообще для школьной дисциплины. Пріемы эти подробно изложены и разработаны въ инструкціи по воспитательной части въ кадетскихъ корпусахъ. Тамъ же изложены принципы примѣненія наказаній, принципы весьма разумные и гуманные. Въ нихъ рѣшительно нѣтъ ничего противорѣчающаго тѣмъ педагогическимъ принципамъ и приемамъ, которые могли бы считаться разумными въ примѣненіи ко всякой школѣ. Невѣрное примѣненіе ихъ на практикѣ конечно встрѣчается въ особенности у молодыхъ военныхъ воспитателей, только что покинувшихъ строй и еще не усвоившихъ себѣ особенностей кадетскаго режима.

Примѣненіе командныхъ словъ громкимъ голосомъ, часто неизбежное въ большихъ массахъ, практикуется ими на первыхъ порахъ не умѣренно, но способный офицеръ скоро пойметъ, что исключительно громкимъ голосомъ нельзя достигнуть авторитетности, а иногда это можетъ даже повредить дѣлу и вызвать нѣкоторое равнодушіе къ его словамъ. Пойметъ также,

что рѣзкое, начальническимъ тономъ отдаваемое приказаніе не служитъ гарантіей его добросовѣстнаго исполненія.

Бываютъ однако же случаи, когда общепринято отдавать приказаніе громко и кратко. Такъ: дѣти или юноши въ свободное отъ занятія время предаются шумной, свойственной возрасту рѣвности, одни прыгаютъ и бѣгаютъ, другіе громко спорять, третьи борются, ссорятся и даже дерутся. Пришло время прекратить шумъ, понадобилось общее вниманіе для отдачи какого-либо приказанія. Громко на всю залу или дворъ раздается командное слово — „смирно“, и по этому магическому слову привыкшая къ дисциплинѣ толпа мгновенно умолкаетъ и замираетъ. Отдается извѣстное распоряженіе среди полной тишины, и когда оно высказано, то приводится немедленно въ исполненіе, или говорятъ—командуютъ—„вольно“, и шумная жизнь возобновляется. Никто никогда изъ воспитанниковъ такимъ пріемомъ не тяготился и не видѣлъ покушенія на его самобытность или свободу, и, если вообще въ школѣ при подобныхъ условіяхъ произносятся другія слова, а не принятія въ военной терминологіи, и достигаютъ такихъ же результатовъ,—то это конечно безразлично. Привычка повиноваться звукамъ военной терминологіи оказываетъ перѣдко важную услугу въ случаѣ, когда масса воспитанниковъ почему-либо возбуждена и готова перейти границы извѣстнаго школьнаго благоустройства и такимъ образомъ совершить проступокъ, не терпимый во всякой школѣ, называемый массовымъ безпорядкомъ. Въ этихъ случаяхъ иногда бываетъ достаточно нѣсколькихъ секундъ общаго молчанія, чтобы намѣнить общее настроеніе. Этими секундами тишины опытный и способный воспитатель воспользуется, чтобы спокойнымъ тихимъ голосомъ возбудить любопытство молодежи и дать другой импульсъ ихъ настроенію. Разумѣется, воспитатель, который не можетъ подыскать другихъ словъ, кромѣ громко произносимыхъ „смирно“, „равняйтесь“ и проч., не всегда возстановитъ порядокъ. Не знаю, какіе ные пріемы должны быть немедленно употреблены въ аналогическихъ случаяхъ школьной дисциплиной. Видѣлъ я не разъ разбушевавшихся школьниковъ введенія, гдѣ совсѣмъ не практикуются внѣшніе пріемы такъ называемой военной дисциплины, и, откровенно говоря, не могъ въ эти минуты позавидовать положенію ихъ надзирателей и наставниковъ. Уваженіе къ воинскому строю и привычка повиноваться команднымъ словамъ военной терминологіи конечно болѣе важны для юношей, которые готовятся для строевой

службы, чѣмъ для гражданской, но и для послѣднихъ едва-ли она можетъ быть вредна. Для спеціальной роли будущихъ воиновъ весьма важно съ дѣтства привить имъ свойства, нужныя для этой роли.

Очень ошибаются тѣ, кто думаетъ, что внѣшняя суровость, строгая, но справедливая требовательность отталкиваетъ молодежь и забиваетъ ее. Повѣрьте, что молодежь очень чутка къ характеру внутренняго отношенія къ нимъ воспитывающихъ и обучающихъ; они даже больше любятъ грубыхъ и строгихъ по виду, но любящихъ ихъ и справедливыхъ, чѣмъ тѣхъ, которые вѣжливымъ и безупречнымъ тономъ наставляютъ ихъ, не любя. Ученики лучше чувствуютъ себя при внѣшнемъ порядкѣ и сами не любятъ распушенности, хотя пользуются ею. Они въ душѣ не очень уважаютъ ту слащавую гуманность, которая, непомѣрно стремясь развить чувство собственного достоинства и самостоятельности, нерѣдко создаетъ уродливое самолюбіе и вливаетъ въ ихъ обиходъ отравляющую струю безотвѣтственности. Они инстинктивно понимаютъ мудрый совѣтъ Крыловскаго повара. Привужденіе еще не можетъ быть исключено изъ обихода человѣчества. Оно въ большинствѣ случаевъ у дѣтей не оставляетъ горькихъ воспоминаній впоследствии, а иногда воспоминается даже съ благодарностью. Мнѣ приходилось встрѣчать своихъ бывшихъ питомцевъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, которымъ много отъ меня доставалось, и я слышалъ отъ нихъ: — „спасибо, что во-время приструнили“. Ихъ отношенія ко мнѣ часто были добродушнѣе и сердечнѣе, чѣмъ примѣрныхъ юношей, съ которыми мнѣ меньше приходилось имѣть дѣло въ заведеніи. Я думаю, каждый можетъ вспомнить случаи изъ своей жизни, когда страсти и увлеченія подавлялись не собственными усиліями воли, а силою, исходящею извнѣ, что спасало отъ нежелательныхъ и часто гибельныхъ послѣдствій и потомъ вспоминалось съ благодарностью къ этой внѣшней силѣ. Думаю, что сознаніе необходимости подчинять иногда свою волю не есть доказательство слабости характера.

Несправедливость воспитывающихъ, подчасъ даже кажущаяся воспитанникамъ, производитъ на нихъ потрясающее впечатлѣніе: у нѣкоторыхъ неудержимыя слезы и рыданія, у другихъ, которые желаютъ удержать слезы, — конвульсивныя движенія въ лицѣ и судорожное хватаніе за голову, крайнее озлобленіе и рѣзкія выходки у однихъ и совершенная подавленность у другихъ.

Не разъ мнѣ приходилось, обходя спальни кадетъ ночью,

унидѣть мальчика, вздрагивающаго судорожно подъ одѣяломъ. Я подходилъ къ нему и открывалъ голову. Заплаканное лицо и судорожное всхлипываніе. „Что съ тобой, о чемъ ты.“—онъ неспр-а-а-вед-ли-во меня наказалъ, я не-вино-оватъ. Сядишь къ нему на кровать и начнешь расспрашивать; съ трудомъ онъ разскажетъ. „Ну, успокойся и спи, завтра разберу“ — и на лицѣ у него блаженная улыбка.

Считаю, что все мы, педагоги, должны быть крайне внимательны и осторожны въ этомъ отношеніи, ибо та внутренняя справедливость, которая одѣиваетъ проступки и промахи питомцевъ не только съ формальной стороны, но и по внутреннимъ мотивамъ есть самое главное и обязательное свойство педагога. Не обладающій этимъ свойствомъ и не умѣющій отличать важное отъ второстепеннаго въ поступкахъ дѣтей долженъ совершенно отказаться отъ педагогической дѣятельности.

Конечно, никто изъ насъ не можетъ съ полной увѣренностью сказать о себѣ, что онъ никогда не погрѣшалъ въ этомъ. То вѣчно напряженное состояніе, въ которомъ находится педагогъ среди массы дѣтей, даже при всей выдержанности характера выходить иногда изъ равновѣсія и не въ силахъ быть находчивымъ и строго справедливымъ въ случаяхъ проявленія дѣтской строптивости и упорства. Поправить свою ошибку возможно только прямымъ признаніемъ въ ней предъ потерпѣвшимъ. Мнѣ приходилось говорить съ успокоеннымъ мною ночью кадетомъ на другой день. Часто, считавшій себя обиженнымъ, скоро успокаивался, не чувствовалъ горечи и легко поддавался разъясненіямъ, что онъ былъ виноватъ, если въ дѣйствительности былъ таковымъ. Въ случаѣ, если несправедливость дѣйствительно существовала, я говорилъ ему приблизительно въ такомъ духѣ: — „Вотъ и хорошо, что ты испыталъ несправедливость на себѣ, узналъ всю ея горечь; выростешь большимъ и будешь понимать, какъ тяжело ее переносить, и будешь самъ справедливъ къ другимъ, которые будутъ отъ тебя зависѣть, да и теперь, ранѣе ты всегда справедливъ къ товарищамъ.— Знай, что въ жизни ты много встрѣтишь и сознательной и невольной несправедливости. Возмущайся, когда она относится къ другимъ, а по отношенію къ себѣ не забывай ученія Христа“.

Неудовлетворительность педагогическаго персонала, на которую указываютъ какъ на причину несовершенствъ въ учебно-воспитательномъ строѣ кадетскаго корпуса, сознава давно и объ этомъ уже не мало было толковъ и предположеній лучше обста-

вить выборъ на эту должность. Приглашеніе на службу воспитателя носило случайный характеръ. Директоръ имѣетъ довольно длинный списокъ желающихъ поступить на эту должность. Нѣкоторыхъ изъ кандидатовъ онъ знаетъ по воспоминаніямъ, какъ бывшихъ питомцевъ того же заведенія, нѣкоторыхъ знаетъ случайно, большинство же ему совершенно незнакомо даже по виѣшнему виду и, при выборѣ ихъ на службу въ заведеніе, директору приходится руководствоваться только аттестаціей ихъ начальниковъ. аттестаціи эти обыкновенно ничего не говорятъ для характеристики офицера, какъ будущаго руководителя юншества. Слѣдовательно, приходится часто брать офицера на удачу, на испытаніе, которое продолжается, по закону, два года, въ теченіе коихъ полагается опредѣлить степень его пригодности. Совершенно непригодные откомандировываются обратно въ свои строевыя части. Остающіеся имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Слишкомъ большая разборчивость при этомъ невозможна, и приходится либо мириться съ нѣкоторыми недостатками поступившаго, либо практиковать частую смѣну воспитателей, что также неблагопріятно отражается на дѣлѣ.

Качества, нужныя для воспитателя, не такъ часто встрѣчаются. Чтобы быть хорошимъ воспитателемъ, недостаточно одного даже обширнѣйшаго научнаго образованія. Нужна любовь и преданность дѣлу воспитанія (призваніе), умѣнье, тактъ, много любви и терпѣнія и черты характера, привлекающія дѣтей къ воспитателю, внушающія уваженіе и довѣріе къ нему. Было бы слишкомъ смѣло рассчитывать найти человѣка, вполне обладающаго такими качествами, но одно изъ важныхъ условій при выборѣ воспитателя возможно соблюсти и установить: онъ долженъ имѣть твердыя знанія тѣхъ научныхъ предметовъ, кои преподаются въ корпусѣ, и знакомство съ педагогической литературой. Офицеръ, прослужившій нѣсколько лѣтъ въ строю, давно окончившій курсъ въ военномъ училищѣ, часто забываетъ научныя свѣдѣнія, вынесенныя изъ школы. Между тѣмъ, первая функція воспитанія при вступленіи его въ должность, это—помощь въ учебныхъ занятіяхъ питомцевъ. Онъ сейчасъ же на первыхъ шагахъ подвергается вольному или невольному экзамену со стороны своихъ питомцевъ. Ему, позабывшему то, чему его учили, приходится попадать въ просакъ и сразу колебать свой авторитетъ въ глазахъ учениковъ. Не говоря объ иностранныхъ языкахъ, онъ, случается, не помнитъ математическихъ доказательствъ и не свѣдуецъ въ географіи и исторіи.

Конечно большинство спѣшить поподнять и освѣжить свои знанія, но не всегда успѣваетъ.

Замѣчательно, что офицеры, желающіе поступить въ военныя академіи, подвергаются строгому повѣрочному испытанію. Привзается, что для того, чтобы имѣть право посвятить себя какой-либо спеціальной отрасли знаній, надо показывать основательное знаніе общеобразовательныхъ предметовъ, а воспитатель, которому именно и необходимо это основательно знать, никакой провѣркѣ при поступленіи не подвергается. При такомъ порядкѣ не удивительны равныя легенды среди учениковъ о научныхъ промахахъ ихъ воспитателей.

Въ правящихъ сферахъ въ послѣднее время признана необходимость большаго умственного круговора у воспитателей и учреждены годичныя для нихъ курсы въ Петербургѣ съ цѣлью „перестройки ихъ умственного аппарата“. Полагаютъ, что дѣло воспитанія столь сложно, что безъ спеціальной подготовки, безъ знанія законовъ развитія умственныхъ и душевныхъ силъ ребенка, не будетъ строго послѣдовательно, будетъ страдать отсутствіемъ системы и носить характеръ случайности и крайняго разнообразія въ зависимости отъ личныхъ вкусовъ и характера воспитателя, незнакомаго съ опытомъ предшествовавшихъ дѣятелей и съ ихъ ошибками. Знаніе научныхъ основъ педагогическаго дѣянія даетъ воспитателю возможность вдумчивѣе относиться къ каждому явленію въ его педагогической дѣятельности и установить однообразіе въ требованіяхъ со стороны воспитывающихся. Запасъ теоретическихъ свѣдѣній ни въ какомъ случаѣ не можетъ повредить воспитателю, а пользу принесетъ несомнѣнную.

Нельзя не привѣтствовать такого учрежденія и сомнѣваться въ его условной пользѣ. Нельзя однако же слишкомъ радужно смотрѣть на ожидаемые результаты отъ сообщенія теоретическихъ положеній едва зарождающейся науки педагогическаго дѣянія, которая все еще пребываетъ больше въ области искусства и таланта. Нельзя рассчитывать на ожидаемое однообразіе въ требованіяхъ и воздѣйствіяхъ и не считаться со вкусами и характерами живыхъ людей. Ни въ одной области человѣческой дѣятельности, даже научно обоснованной, нельзя быть увѣреннымъ, что не встрѣтишь двухъ совершенно противоположныхъ мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ. Много есть на свѣтѣ людей, не умѣющихъ сочетать теорію съ практикой. Не надо забывать, что рядомъ съ системой и теоріей есть дѣйствительная жизнь съ ея частыми отступленіями, жизнь

властно требующая примѣненія къ ея заявленіямъ и заставляющая практическихъ дѣятелей всегда поступаться пунктуальностью теоретической схемы. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что люди, весьма посредственные въ практической дѣятельности, съ особой охотой предаются теоретическимъ соображеніямъ и правдой игрѣ діалектики. Усвоивъ себѣ спеціальныи научныи жаргонъ, они такъ далеко забираются въ дебри философскихъ формулъ, что теряютъ способность понимать чужую мысль, находящуюся внѣ ихъ якобы научнаго кодекса. Мнѣ кажется, что практическое дѣло всегда поучительнѣе и больше говоритъ уму. За живымъ дѣломъ человекъ творить, увлекается и становится энергичнѣе. Въ педагогическомъ дѣлѣ случаются такія неожиданности, когда нѣтъ времени теоризировать, а надо быстро принимать рѣшенія, часто по вдохновенію чуткой души.

Говорю это не въ осужденіе воспитательскихъ курсовъ—мы результатовъ ихъ еще не видимъ. Вреда она конечно не принесутъ, но видѣть въ нихъ панацею отъ всѣхъ неудачъ воспитательной дѣятельности—не могу. Сожалѣю однако же, что не оказано больше вниманія научнымъ свѣдѣніямъ воспитателей при приѣмѣ ихъ на службу, свѣдѣніямъ столь необходимымъ на первыхъ шагахъ ихъ педагогической дѣятельности. Нельзя забывать, что научныя занятія кадетъ и преодоленіе трудностей есть одно изъ могущественныхъ средствъ для выработки трудоспособности и твердой воли. Конечно, воспитатель, забывшій много изъ полученныхъ имъ нѣкогда научныхъ свѣдѣній, легко можетъ пополнить ихъ, уже вступивъ въ должность. Примѣры такіе бывали, но къ сожалѣнію они очень рѣдки въ дѣйствительности, и даже нѣкоторые воспитатели, поступивши впоследствии на курсы, оказываются незнакомыми съ инструкціей по воспитательной части, что, казалось бы, должно составлять ихъ первую и необходимую обязанность.

Можетъ быть я, будучи автодидактомъ, какъ и всѣ мои сверстники, придаю слишкомъ большое значеніе опыту въ педагогическомъ дѣлѣ, но вѣдь нашъ опытъ шелъ рядомъ съ знакомствомъ новыхъ и старыхъ идей, которыя не оставались безъ вліянія на нашу дѣятельность и среди автодидактовъ было не мало выдающихся педагоговъ. Я только хотѣлъ бы, чтобы идеи и научныи теоріи освѣщали собственный опытъ, а не доминировали, какъ это вѣрѣдко случается съ людьми, оставившими уже практическую дѣятельность и посвятившими себя исключительно педагогической литературѣ и учрежденіямъ.

ніямъ научно обоснованныхъ педагогическихъ правилъ и приѣмовъ воспитанія.

Что касается нареканій, раздававшихся въ обществѣ на чрезмѣрную регламентацію и неимовѣрное желаніе направлять дѣло циркулярами и предписаніями, то нѣкоторое время въ этомъ была значительная правда.

Припомню здѣсь исторію постоянныхъ перемѣнъ по учебной части:

Несмотря на всѣ улучшенія, вносимыя въ учебное дѣло въ военныхъ гимназіяхъ съ самаго преобразования ихъ изъ кадетскихъ корпусовъ, результатъ былъ далеко неудовлетворительный.

Въ 1879 году по приказанію военнаго министра графа Милютина были проиаведены во всѣхъ военныхъ гимназіяхъ повѣрочныя письменныя испытанія. Для этого всюду были разосланы въ запечатанныхъ конвертахъ темы для VI класса по русскому, иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Въ назначенный день и часъ пакеты вскрыли и сообщили содержаніе ученикамъ въ классѣ, въ присутствіи комиссіи.

Въ циркулярномъ предписаніи 25 мая 1880 года было заявлено, что при просмотрѣ военнымъ министромъ этихъ работъ, оказалось, что правописаніе очень слабо, что сочиненія по русскому языку были безсодержательны, что переводы на иностранные языки оказались до крайности слабы и что по математикѣ не болѣе половины учениковъ въ каждомъ заведеніи довели рѣшеніе задачъ до конца, еще менѣе правильно ихъ рѣшили и все, что не переписано на чисто, такъ написано, что разобрать и понять въ нихъ ничего нельзя.

Такой отзывъ столь компетентнаго въ учебномъ дѣлѣ лица, какъ графа Милютина, показалъ, что многое въ учебномъ дѣлѣ было неблагополучно. Все отнесено было къ неудовлетворительности учебныхъ плановъ, программъ, учебниковъ.

Немедленно образована была комиссія для пересмотра и измѣненія плана, объема и распредѣленія по классамъ учебныхъ предметовъ.

Выработанныя комиссіей главныя положенія были представлены графу Милютину. Онъ ихъ одобрилъ, но относительно частностей далъ нѣкоторыя существенныя указанія. Согласно этихъ указаній были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и выработаны: 1) программы преподаванія въ главныхъ основаніяхъ, 2) общія систематическія программы предметовъ курса военныхъ гимназій, 3) поясненіе къ программамъ.

Главныя положенія, выработанныя коммиссией, стремились главнымъ образомъ къ приданію курсу военныхъ гимназій возможно большей полноты и законченности и согласованію съ общимъ типомъ средне-учебнаго заведенія, образцомъ коего признавались прусскія реальныя училища. Для сей цѣли, между прочимъ, положено упразднить элементарный курсъ, чтобы выиграть для систематическаго, къ коему прибавленъ 7-й классъ, и этимъ предполагалось облегчить военныя училища въ прохожденіи общеобразовательныхъ предметовъ; увеличены пріемныя требованія отъ поступающихъ въ первый классъ, освободивъ ихъ отъ экзамена по французскому языку.

Такое стремленіе къ полнотѣ и законченности курса военныхъ гимназій и приведеніе ихъ къ типу средне-общеобразовательныхъ заведеній обусловливалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ смутную пору конца 70-хъ годовъ въ разгаръ борьбы между сторонниками классическаго и реальнаго образованія появились сомнѣнія и раздались голоса противъ разумности существованія военныхъ гимназій и доказывалось, что военныя училища могутъ вполне комплектоваться молодыми людьми, оканчивающими курсъ въ классическихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Графу Милютину не пришлось докончить это дѣло. Наступило новое царствованіе, назначенъ новый военный министръ и новый главный начальникъ.

Страшное событіе 1 марта измѣнило внутреннюю политику. Произошла реакція во всѣхъ сферахъ государственной жизни, она отразилась естественно и на учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и на военныхъ.

Работы коммисіи были представлены новому военному министру, генералу Баяновскому, который прежде, чѣмъ утвердить ихъ, призналъ нужнымъ спросить мнѣніе директоровъ и педагогическихъ комитетовъ военныхъ гимназій.

Началось обширное писанье, каждый директоръ и каждый преподаватель письменно излагали свои взгляды на программы и на распредѣленіе ихъ по классамъ. Нѣкоторые директора и комитеты прямо не сочувствовали расширенію программъ, уменьшенію числа уроковъ по иностраннымъ языкамъ и находили, что военныя гимназій, согласно первоначальной цѣли ихъ учрежденія, должны быть подготовительными заведеніями для военныхъ училищъ и не стремиться къ тому типу общеобразовательныхъ средне-учебныхъ заведеній, преслѣдующихъ полноту и законченность познаній, и находили, что совершен-

ное выдѣленіе изъ курса военныхъ училищъ общеобразовательныхъ предметовъ и крайняя спеціализація ихъ курсовъ поведутъ къ упадку общаго развитія будущихъ офицеровъ, коимъ обуславливается успѣхъ во всякомъ спеціальномъ дѣлѣ.

Въ 1882 году послѣ доставленія всей этой литературы, за военными гимназіями признали характеръ военно-подготовительныхъ заведеній. Надежды, что военныя училища могутъ комплектоваться средне-учебными заведеніями гражданскаго вѣдомства—не оправдались. Поступило изъ нихъ въ военныя училища ничтожное количество.

Переходъ отъ стараго къ новому долженъ былъ совершаться постепенно, начиная съ младшихъ классовъ и окончательно установиться въ 1884—85 учебномъ году.

Переходъ этотъ, несмотря на то, что былъ опредѣлителенъ до мелочей, совершался съ изрядной путаницей, что, конечно, неблагоприятно отражалось на знаніяхъ учениковъ. Не такъ просто было втягиваться въ новыя требованія, какъ то казалось вѣдали.

Настали нынѣ времена: центръ тяжести развитія учебно-воспитательнаго дѣла былъ перенесенъ въ канцелярію.

Устроена, такъ сказать, центральная точка. Настала эпоха кодификаціи, нужно было привести къ строгой регламентаціи все нажитое до сего времени. Послѣдовательно были изданы самыя опредѣлительныя инструкціи по учебной, по воспитательной, по административной, по медицинской, по канцелярской, по хозяйственной и проч. частямъ. Инструкція, умно составленная, точно опредѣлявшія весь укладъ жизни заведенія, но... часто совсѣмъ не примѣнявшіяся къ дѣлу, хотя точное исполненіе ихъ поддерживалось циркулярами и посылкой особыхъ генераловъ, спеціально для этого предназначенныхъ.

Но и пріѣзжіе генералы не могли дать жизненной энергіи буквамъ и начавшемуся уже охлажденію къ педагогическому дѣлу, очень замѣтному послѣ педагогическаго одушевленія 60-хъ годовъ.

Вскорѣ послѣдовало преобразование военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса. Въ приказѣ по военному вѣдомству 22 іюля 1882 года значится: „Во Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ вѣковымъ заслугамъ бывшихъ въ Имперіи кадетскихъ корпусовъ, питомцы коихъ прославили русское оружіе въ достопамятныхъ войнахъ прошлаго и текущаго столѣтій, доблестно

подвигались на различныхъ поприщахъ полезнаго служенія престолу и отечеству, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: всѣ военныя гимназїи именовать на будущее время кадетскими корпусами, а воспитывающихся въ нихъ— кадетами“. При этомъ переименованїи предположено дать кадетскимъ корпусамъ устройство болѣе подходящее къ тому быту, къ которому готовятъ кадеты.

Были организованы строевыя роты въ двухъ старшихъ классовъ: имъ даны ружья, установлены должности вице-фельдфебеля и вице-унтеръ-офицера, усилены требованїя по строевой части и отчасти введены элементы воинской дисциплины. Такимъ образомъ воспитанїю кадетъ въ двухъ старшихъ классахъ придавался военный характеръ.

Первымъ ротнымъ командиромъ въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ былъ полковникъ Добошинскій, который прекрасно поставилъ роту въ воспитательномъ отношенїи и разумно примѣнялъ воинскую дисциплину, что было весьма важно для явновъ возникающаго учрежденїя. Долженъ сказать, что Добошинскій былъ человекъ беззаветно преданный своему дѣлу, обладавшій выдающейся неутомимостью, скромностью и прямотою, что служило прекраснымъ образцомъ для будущихъ офицеровъ и способствовало установленїю хорошихъ традицій въ нѣсколько измѣненномъ характерѣ учебнаго заведенїя.

Въ 1885 году должность воспитателей 8-хъ младшихъ классовъ изъ питомцевъ учительской семинарїи была упразднена и въ число воспитателей велѣно принимать только офицеровъ. Всѣ не военные съ нѣкоторыми льготами были оставлены за штатомъ, исключенїе сдѣлано для немногихъ, выдающихся по своимъ способностямъ къ педагогическому дѣлу.

Мы, военные люди, въ большей части рационались и привѣтствовали эту реформу, возвращавшую насъ къ тому родному режиму, при которомъ мы сами воспитывались, хотя и опасались нѣсколько, чтобы при намѣненїи названїй и новой постановкѣ, военныя гимназїи не превратились бы въ старые кадетскїе корпуса, съ ихъ признанными въ свое время недостатками, и чтобы установленїе приѣмовъ воспитанїя не уступило мѣсто заботамъ о наружной выправкѣ. Опасенїя эти оказались преувеличенными и преобладанїе обнаружилось очень рѣдко и со стороны нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ и скоро сглаживалось.

Періодъ военныхъ гимназій внесъ безъ сомнѣнія значительныя улучшенія въ режимъ старыхъ кадетскихъ корпусовъ, обставивъ ихъ болѣе образованными и подготовленными дѣятелями, измѣнивъ, согласно требованіямъ эпохи, методы обученія и воспитанія, но сохранивъ названіе—„военные“. Сохранился и особый оттѣнокъ отъ другихъ учебныхъ заведеній,—оттѣнокъ желательный въ виду будущей дѣятельности ихъ питомцевъ.

Съ 1886 года Симбирскій кадетскій корпусъ пересталъ быть всеобщимъ учебнымъ заведеніемъ; къ приему въ него стали допускаться только тѣ изъ малолѣтнихъ, которые по происхожденію имѣютъ право на поступленіе и въ другіе корпуса. Симбирскому земству предложено было, въ виду вносимой имъ субсидіи, назначать на земскія вакансіи дѣтей купцовъ и чиновниковъ, но губернское земское собраніе отвѣтило Главному Управленію В.-У. З., — „что если по государственнымъ соображеніямъ нельзя оставить существующихъ правилъ для замѣщенія земскихъ вакансій въ Симбирскомъ военномъ корпусѣ, то Симбирское земство, подчиняясь тѣмъ измѣненіямъ, кои вызываются государственною необходимостью, хотя эти измѣненія и не вполне отвѣчаютъ частнымъ интересамъ земства, всецѣло въ этомъ дѣлѣ полагается на милость Монарха“.

Съ 1888 года Симбирское земство было освобождено отъ ежегоднаго взноса 12.000 руб. и земскія вакансіи закрыты.

Почти одновременно съ переименованіемъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса были упразднены педагогическіе курсы при 2-й Петербургской военной гимназій и учительская семинарія военного вѣдомства. Прежде чѣмъ упразднить ихъ, спрашивали мнѣнія директоровъ, насколько они необходимы. Нужно полагать, что большинство мнѣній было не въ пользу этихъ учрежденій.

Педагогическіе курсы ознакомляли теоретически и практически слушателей съ новыми дидактическими и методическими приемами преподаванія. Этому они вполне достигали, но въ дальнѣйшей дѣятельности не болѣе половины изъ бывшихъ на курсахъ оправдывали ожиданіе и матеріальныя затраты, кои требовались для содержанія курсовъ. Объяснить это можно тѣмъ, что допускаемые въ нихъ съ высшимъ образованіемъ молодые люди не всегда принадлежали къ первому сорту. Большинство шло не по призванію, а по невозможности скоро куда-либо выгоднѣе пристроиться. Педагогическая дѣятельность сама

по себѣ была дѣятельностью не видною, далеко не легкою и мало кого манила своимъ внутреннимъ содержаніемъ, а курсы изъ мало-способныхъ къ этой дѣятельности не формировали умѣлыхъ педагоговъ.

Учительская семинарія была нужна, пока существовали элементарные курсы въ военныхъ гимназіяхъ и въ военныхъ прогимназіяхъ, которые были тоже оправданы, о чемъ я упоминалъ выше.

Едва въ 1886 году кадетскіе корпуса установили по всѣмъ классамъ новыя программы, какъ возникла новая коммиссія, известная въ лѣтописяхъ военно-учебныхъ заведеній, — коммиссія Сямашки.

Чѣмъ было вызвано учрежденіе этой коммиссія, какія были для того основанія и поводы—никто, кажется, хорошенько не зналъ.

Въ циркулярѣ по этому поводу было сказано: „опытъ примѣненія на практикѣ, утвержденныхъ въ 1882 году программы и инструкціи для преподаванія въ кадетскихъ корпусахъ, выяснилъ нѣкоторые недостатки существующей постановки учебнаго курса“.

Какіе это были недостатки, кѣмъ они были усмотрѣны и вообще могъ ли быть какой-либо опытъ въ теченіе трехлѣтняго существованія только-что утвержденныхъ программъ.

Въ это время въ общество стала проникать легенда о переутомленіи дѣтей отъ умственнаго напряженія и лозунгомъ современной педагогикѣ, какъ говорили—слѣвалось „господа, дѣти какъ можно меньше должны учиться и какъ можно больше шалить“.

Высказывалось, что практическія требованія современной жизни вызываютъ въ человѣкѣ постоянно возрастающее напряженіе его силъ и способностей; но воспитаніе должно всегда помнить, что чрезмерный избытокъ умственныхъ усилій наноситъ неисправимый вредъ не только физическому, но и духовному развитію человѣка. Если каждая школа обязана содѣйствовать равномерному развитію духовныхъ и физическихъ силъ юношей, то требованіе это несомнѣнно пріобрѣтаетъ особую важность въ школахъ военной, готовящей своихъ питомцевъ для дѣятельной службы при усиленныхъ тѣлесныхъ трудахъ и лишенияхъ; непосильныя же умственные занятія въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ, при сидячей комнатной жизни воспитанниковъ, неизбѣжно дѣлаютъ изъ нихъ людей слабыхъ тѣломъ и духомъ, безхарактерныхъ и нервно раздражительныхъ.

Нельзя оспаривать правильность этихъ мыслей (здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ), но я утверждаю самымъ категорическимъ образомъ, что никакого переутомленія дѣтей, кромѣ 2—3 извѣстныхъ мнѣ случаевъ, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ продолженіе моей 40-лѣтней въ нихъ службѣ—не существовало. Временное утомленіе весьма скоро проходило. Можетъ быть оно наблюдалось въ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которыхъ скорѣе всего обуславливалось дурнымъ устройствомъ классныхъ помѣщеній, скученностью и многолюдствомъ классовъ, душной въ нихъ атмосферой и высокой температурой, въ которыхъ находились дѣти; не гигиеническими и крайне плохими условіями домашней жизни многихъ изъ нихъ и необходимостью для нѣкоторыхъ добывать себя матеріальныя средства при помощи уроковъ, кои они давали вслѣдъ за приготовленіемъ собственныхъ.

Ничего подобнаго не существовало въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ чемъ удостовѣряю и санитарное состояніе ихъ и здоровый видъ юношей. Образовался новый культъ служенія физическому развитію, и новая богиня „Гимнастика“ потребовала и особаго храма, и особыхъ жрецовъ, и особаго времени для служенія ей, что обходилось не дешево.

Какъ и во всякомъ культѣ, и здѣсь было немало разногласій и системъ, смѣнявшихъ одна другую.

Преклоняясь предъ искренностью исповѣданія и служенія новой богинѣ, я не считалъ себя компетентнымъ въ рѣшеніи вопроса, насколько современные, безъ сомнѣнія, болѣе рациональныя приемы гимнастическихъ упражненій болѣе пригодны для общаго правильнаго развитія кадетъ; но мое непросвѣщенное око не усматривало особой разницы въ этомъ отношеніи, а замѣчало, что прежней охоты и лихости, какъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, такъ и въ играхъ, нѣтъ, и думалось мнѣ, что уменьшеніе класснаго времени въ пользу физическихъ упражненій не создастъ желаемыхъ богатырей, между тѣмъ показная сторона этихъ упражненій по своей новизнѣ отвлекала вниманіе начальствующихъ лицъ отъ болѣе существенныхъ вопросовъ воспитанія.

Другимъ результатомъ комиссіи Симашки было измѣненіе учебниковъ по нѣкоторымъ предметамъ, при чемъ введено было совершенно новое и не бывающее правило, весьма слабо мотивированное, чтобы всѣ кадетскіе корпуса обязательно пользовались однимъ и тѣмъ же учебникомъ. До сего времени каждое заведеніе имѣло право избирать учебникъ по своему

усмотрѣнію изъ числа рекомендованныхъ Главнымъ Управленіемъ.

Нововведеніе это стоило изрядныхъ денегъ заведеніямъ, такъ какъ прежде употреблявшіеся учебники пришлось сложить въ кладовыя.

Программы учебныхъ предметовъ были измѣнены очень незначительно, объемъ по нѣкоторымъ предметамъ сокращенъ и сдѣланы передвиженія изъ одного класса въ другой. Объяснительныя записки къ программамъ были почти дословное повтореніе таковыхъ 1882 г.

Введено было преподаваніе Законовѣдѣнія въ старшемъ классѣ. Главная цѣль была сообщеніе правильныхъ и ясныхъ понятій о тѣхъ отношеніяхъ, въ коихъ каждый человѣкъ неизбежно находится въ семьѣ, обществѣ и Государствѣ, какъ равно о томъ, что власть и законъ представляютъ собой существеннѣйшіе элементы всякаго организованнаго общежитія. Составленъ учебникъ „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи“, который былъ введенъ въ 1889 году.

Отъ каждаго класснаго урока отнято по 10 минутъ въ пользу внѣклассныхъ физическихъ упражненій.

Подтверждено и усилено требованіе „Чтобы главная работа по усвоенію учениками преподаваемыхъ знаній особенно въ младшихъ и среднихъ классахъ, должна исполняться во время классныхъ уроковъ, подъ дѣятельнымъ и участливымъ руководствомъ самого преподавателя и что количество задаваемыхъ ученикамъ на внѣклассное время практическихъ работъ должно быть сокращено до возможнаго минимума, такъ какъ исполненіе ихъ въ классахъ подъ непосредственнымъ руководствомъ преподающихъ всегда будетъ производительнѣе“, постановлено требованіе, чтобы на внѣклассное приготовленіе уроковъ задавалось не болѣе трехъ предметовъ въ старшихъ классахъ.

Всѣ эти безспорно основательныя и желательныя требованія далеко не всегда исполнились въ силу иногда дѣйствительной невозможности въ виду обширности программъ и нерѣдко въ силу несочувствія и недостаточнаго вниманія и умѣнья со стороны преподающихъ.

Все это служило поводомъ къ разнообразнымъ конфликтамъ.

Постепенное введеніе новыхъ программъ предполагено закончить въ 1891—92 учебномъ году.

Отнятіе 10 минутъ отъ каждаго урока при большомъ составѣ классныхъ отдѣленій и обязательная перемѣна учебниковъ произвела на людей близко стоявшихъ къ дѣлу—тяжелое

впечатлѣнію, возбудило недоумѣніе, неодобреніе и даже ропотъ. Преставъ того учрежденія, въ коемъ выработывались эти необходимы по мнѣнію многихъ реформы—упалъ.

Въ немъ они перестали видѣть серьезное отношеніе къ жизненнымъ задачамъ педагогій, а желали видѣть преслѣдованіе какихъ-то личныхъ цѣлей и синекуру для почтенныхъ заслуженныхъ педагоговъ и повадки ихъ по заведеніямъ стали называть—„отхожими промыслами“. Упрекали ихъ и въ томъ, что они въ неумѣренномъ измѣненіи учебниковъ и программъ усматривали какъ бы единственное средство къ поднятію уровня и основательности знаній учениковъ, упуская изъ вида, что центръ тяжести успѣха въ учебныхъ занятіяхъ лежитъ не въ учебникахъ, а въ исполнителяхъ, что хорошій учитель и при посредственномъ учебникѣ будетъ имѣть успѣхъ, а плохой учитель и при хорошемъ учебникѣ не будетъ имѣть его. Всѣ эти упреки и недовольство конечно отражались долгое время на отношеніи къ дѣлу недовольныхъ.

Въ 1889 году при Главномъ Управленіи была организована комиссія для пересмотра изданной въ 1878 году „инструкціи объ испытаніи воспитанниковъ“ и проектированія новыхъ правилъ для производства пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. При предстоящей работѣ комиссіи, было предложено ей озаботиться изысканіемъ всѣхъ мѣръ къ возможному устраненію замѣчаемаго нынѣ особеннаго утомленія и нервного напряженія у большинства воспитанниковъ въ періодъ годовыхъ испытаній, а также и къ тому, чтобы на производство экзаменовъ отдѣлялось какъ можно меньше времени.

Мнѣнія раздѣлились и были крайне равнообразны.

Въ силу различныхъ соображеній остановились на томъ, что совершенно отказаться отъ производства экзаменовъ нельзя и они были назначены по нѣкоторымъ предметамъ во всѣхъ классахъ кромѣ перваго. При выпускѣ экзаменъ оставленъ по всѣмъ предметамъ.

Въ 1891 году былъ возбужденъ вопросъ объ одѣжкѣ баллами поведенія учениковъ. Предлагалось установить предѣльный баллъ за поведеніе при переходѣ учениковъ въ VI-й и VII-й классъ.

Предложеніе это возбудило бурные споры и разногласіе. Большинство было противъ него, но несмотря на это предѣльный баллъ былъ установленъ, но никогда практическаго примѣненія не имѣлъ. Увлеченіе балльной системой около этого времени достигло чрезвычайныхъ размѣровъ. Вся жизнь воспи-

танниковъ во всѣхъ ея проявленіяхъ оцѣнивалась баллами. Успѣхъ въ учебныхъ занятіяхъ, прилежаніи, въ поведеніи, характерѣ, въ строевыхъ занятіяхъ, въ гимнастикѣ, танцахъ, пѣніи и даже въ релігіозныхъ вѣрованіяхъ—все оцѣнивалось баллами.

По мѣткому выраженію почтеннаго педагога, „ученикъ какъ бы весь былъ покрытъ ярыками съ цифрами—на основаніи этихъ цифръ дѣлались всевозможныя статистическія выводы и оцѣнка дѣятельности воспитателей и преподавателей“.

Въ 1896 году возникъ въ центральномъ управленіи вопросъ о причинахъ неудовлетворительности успѣховъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ по иностраннымъ языкамъ. Опять были запрошены мѣтнія директоровъ, и послѣдовала рядъ циркуляровъ и предписаній. Но чтобы ученики умѣли передавать прочитанное своими словами на иностранномъ языкѣ—все-таки не достигли.

Въ 1897 году опять принялись за передѣлку программъ по всѣмъ предметамъ курса кадетскаго корпуса. Лѣтомъ опять сдѣлано распоряженіе, чтобы на физическое воспитаніе кадетъ было обращено еще больше вниманія, чѣмъ было до того времени, и указано на желательность нѣкотораго уменьшенія времени, опредѣленнаго на учебныя занятія съ тѣмъ, чтобы можно было соотвѣтственно еще увеличить время для прогулокъ, игръ и другихъ физическихъ упражненій на открытомъ воздухѣ.

Образованная комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Ладаева. Результатомъ было сокращеніе уроковъ съ I до IV класса и сокращеніе времени на внѣклассное приготовленіе уроковъ. Объемъ учебныхъ курсовъ остался тотъ же.

Въ 1899 году военный министръ генералъ Куропаткинъ, проживая на дачѣ въ Теріокахъ, прислалъ собственноручную записку, въ которой указывалъ на необходимость, для выработки самостоятельнаго характера у воспитанниковъ, сообщать имъ свѣдѣнія, полезныя для жизни, и принять мѣры, дабы общеніе съ природой нашихъ кадетъ и юнкеровъ было болѣе эвергичнымъ и послѣдовательнымъ, чѣмъ нынѣ. Для этого предлагалось: сообщать подробныя свѣдѣнія путемъ практическимъ съ разными видами растений, животныхъ и матеріаловъ, имѣющихъ особо важное значеніе въ военномъ быту. Ознакомить съ производствами: печенія хлѣба, пищи, мытья бѣлья, шитья одежды, столярнымъ, слесарнымъ, токарнымъ дѣломъ, постройкой простѣйшихъ видовъ мебели и жилищъ, ремонтомъ ихъ. Посѣщеніе разныхъ мастерскихъ, заводовъ, складовъ, музеевъ и выставокъ. Признавалось необходимымъ возобновить выводъ

шихъ, но и заграничныхъ учебныхъ заведенійхъ, знакомясь съ педагогическими идеями не только современными, но и минувшихъ лѣтъ. Бесѣды эти вносили и нѣкоторый коррективъ въ требованія и порядки нашего корпуса.

Съ наступленіемъ ХХ-го столѣтія опять приступлено къ пересмотру и измѣненію программы учебнаго курса кадетскихъ корпусовъ.

Основные мысли, изложенныя въ объяснительной запискѣ новой комиссіи, безспорно очень хороши и написаны вразумительно, но новаго въ нихъ нѣтъ ничего.

Въ объяснительной запискѣ выражается забота объ измѣненіи самаго характера обученія для приданія сему послѣднему большей продуктивности въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, для развитія активнаго мышленія и большей самостоятельности въ учебныхъ занятіяхъ кадетъ, и высказывается также желаніе для этой цѣли объединить всѣ учебные предметы.

Забота и стремленіе кадетскихъ корпусовъ въ этомъ направленіи были всегда присущи имъ и проводились съ большими или меньшими успѣхами, въ зависимости отъ состава преподавателей и сообразно ихъ силамъ.

Думаю, что съ этой цѣлью и дѣлали всегда непрерывныя измѣненія въ объемъ учебныхъ предметовъ, въ распредѣленіи ихъ по классамъ и въ установленіи числа уроковъ по каждому предмету.

Объяснительныя записки всѣхъ комиссій, возникавшихъ при Главномъ Управленіи, неизмѣнно толковали о таковыхъ методахъ. Всѣ учебники и педагогическая литература, какъ отечественная, такъ и иностранная, какъ новая, такъ и старая говорили неустанно на эту тему.

Такъ, еще *Амоль Коменскій* говорилъ: „ни одинъ изъ учебныхъ предметовъ не можетъ быть изучаемъ отдѣльно, внѣ всякой связи съ другими предметами преподаванія. Въ теченіе всего курса они должны изучаться въ совокупности“.

Дистервегъ пишетъ: „Все задаваемое должно способствовать усвоенію предмета, увеличивать самостоятельность и самостоятельность ученика“. *Диттесъ* высказываетъ такое мнѣніе: „Центральнаго предмета, въ которомъ заключались бы всѣ другіе, не существуетъ, но нельзя также всему учить сразу, а необходимо выдѣлять самостоятельные элементы въ каждой области знанія. При этомъ, конечно, родственное связывать одно съ другимъ и одинъ предметъ дополнять другимъ“, и „Преподаватель не имѣетъ дѣла съ таинственными силами, раз-

витіе которыхъ требовало бы чрезмѣрныхъ трудовъ, а должны заботиться только о томъ, что бы дитя своєю собственною дѣятельностью пріобрѣтало какъ можно болѣе совершенныхъ и цѣльныхъ представленій, вѣрно сохраняло ихъ, систематически умножало и *самостоятельно* переработывало. Душа человѣческая отъ природы *активна и продуктивна* ума не есть какая-либо особенная способность“.

Въ журналѣ педагогическаго совѣта 1859 года занесено слѣдующее постановленіе: „Изученіе науки должно приносить пользу, должно сообщать полезныя свѣдѣнія, развивать умственныя способности, память, воображеніе, соображеніе. Преподаватель долженъ пріучить къ мышленію, приготовить къ предстоящей жизни и дальнѣйшему самообразованію, помочь уравновѣнью общественныхъ отношеній и явленій окружающей природы. Изученіе начинается съ ознакомленія съ ближайшими предметами и явленіями, окружающими ученика, изъ усвоенія понятій обыденной жизни“.

Такихъ изреченій и прекрасныхъ мыслей можно было бы привести очень много и изъ учебниковъ, и изъ литературы, и изъ журналовъ педагогическихъ совѣтовъ. Я привелъ здѣсь нѣсколько выдержекъ, чтобы подтвердить, что мысли эти, мыслѣ процвѣдаемыя, не суть новорожденные и человѣчество знало и говорило о нихъ очень давно.

Теперь оно стало уславлено говорить о нихъ, очевидно оттого, что мысли эти не получили прочнаго и общаго примѣненія на практикѣ, быть можетъ по несовершенству техники и пріемовъ.

Авторы современныхъ педагогическихъ статей трактуютъ объ этихъ давно извѣстныхъ истинахъ съ такимъ тономъ, какъ будто ничего подобнаго до нихъ людямъ не приходило въ голову.

Говорятъ, не безъ основанія, что въ мірѣ ново только то, что хорошо забыто, и что повторять хорошее старое никогда не лишнее. Въ этомъ смыслѣ напоминаніе педагогической азбуки имѣетъ свое *raison d'être* и порицать этого нельзя.

Сила жизни такъ велика, что безъ движенія человѣческая жизнь оставаться не можетъ, и въ данномъ случаѣ можно только пожелать, чтобы движеніе было соразмѣрно съ силами и нашлись бы средства для практическаго его осуществленія.

Почти въ каждой статьѣ современныхъ педагогическихъ журналовъ можно встрѣтить немолчный говоръ о томъ, что средне-учебное заведеніе должно дать своимъ питомцамъ „строй-

ное, цѣлостное міросозерцаніе“, и указанія на отсутствіе объединяющихъ началъ въ преподаваніи, на недостаточность активности, продуктивности и самостоятельности въ занятіяхъ дѣтей и юношей.

Мысль дать ученикамъ стройное и цѣлостное міросозерцаніе циркулируетъ въ педагогическомъ мірѣ очень давно, хотя имѣла другую форму. Долго существовала фраза, что среднее-учебное заведеніе должно имѣть „надлежащую полноту и законченность“, потомъ она смѣнилась другой фразой: „надо дать ученикамъ общія, руководящія нормы“.

Всѣ эти фразы послѣдовательно доминировали въ педагогической литературѣ, но внутренній смыслъ оставался теменъ и понимался каждымъ по-своему, что говорилъ и покойный Широковъ.

По правдѣ сказать, задумываешься надъ фразой: „дать ученикамъ стройное, цѣлостное міросозерцаніе“.

Какъ сдѣлать, чтобы отношенія человѣка къ явленіямъ внутренняго и вѣшняго міра были стройнѣе и цѣлостнѣе. Вѣдь это такое смутное общее мѣсто и кто изъ педагоговъ можетъ похвалиться, что самъ обладаетъ таковымъ. Я думаю, что каждый изъ насъ имѣетъ личное міросозерцаніе и свои вождѣнія, каковыя и считаетъ стройными и цѣлостными. Не говоря уже о заурядныхъ людяхъ, но и такіе умы, какъ Декартъ, Спиноза, Фихте, Шопенгауеръ и проч.—всѣ проповѣдывали свое особое міросозерцаніе и всю жизнь посвятили на рѣшеніе этихъ вопросовъ. Исторія человѣческой мысли указываетъ поразительную измѣнчивость ея, и вотъ хотятъ, чтобы дѣти и юноши, которые только-что начинаютъ присматриваться къ явленіямъ міра и которымъ школа даетъ только средства для дальнѣйшаго образованія, имѣли бы стройное и цѣлостное міросозерцаніе.

Единственное міросозерцаніе по отношенію къ внутреннему человѣку, которое можно назвать цѣльнымъ—это ученіе Христа, но и оно далеко не усвоено даже людьми, называющими себя христіанами, и, конечно, современный человѣкъ при всей увѣренности въ своемъ умѣ и самообожаніи не сможетъ сдѣлать и капли того, что не удалось сдѣлать Христу, коего, кажется, хотятъ совсѣмъ упразднить. Къ чему же эти громкія фразы.

Насаждая и укрѣпляя въ дѣтяхъ вѣрное пониманіе и исполненіе правилъ христіанской нравственности, мы скорѣе всего внушимъ имъ правильное отношеніе и къ своему внутреннему міру и къ людямъ.

Точно также кажется мнѣ мало содержательной другая повсемѣстно повторяющаяся фраза: „отсутствіе общихъ принциповъ, объединяющихъ учебные предметы“. Что это за общіе принципы. Безъ сомнѣнія, во всякой отрасли знаній найдутся такіе моменты, которые живой нитью связаны съ живой жизнью и способны возбудить живой интересъ учащихся, и слѣдуетъ только пользоваться нѣкоторыми изъ этихъ моментовъ. Нѣкоторыя науки имѣютъ между собой точки соприкосновенія, но ассоціація понятій—своя въ каждой области знаній: иныя понятія и ихъ отношенія—въ наукахъ математическихъ, иныя—въ наукахъ историческихъ или естественныхъ. Однѣ науки главнымъ образомъ научаютъ мыслить, другія облекать эти мысли въ ясныя формы, третья даютъ матеріалъ для мыслей; однѣ главнымъ образомъ развиваютъ память, другія—воображеніе, третьи—соображеніе.

Образованный человекъ долженъ имѣть навыкъ мышленія въ каждой отрасли знанія. Таково мнѣніе нѣкоторыхъ компетентныхъ и извѣстныхъ педагоговъ.

Нѣкоторыя группы наукъ имѣютъ естественную связь между собою, и вполне разрушить ее нельзя даже при желаніи сдѣлать это. Преподаватель естественной исторіи неизбежно приходитъ въ соприкосновеніе съ физикой и химіей; преподаватель физики и химіи—съ математикой; преподаватель исторіи и географіи имѣетъ много связей съ естественной исторіей. Всѣ научные предметы неизбежно связаны съ законами родного языка и проч. Одинъ преподаватель пользуется этими естественными связями умѣло, а другой—неумѣло, и послѣднему не поможетъ и та искусственная связь, которую, подъ именемъ общихъ объединяющихъ принциповъ, хотятъ выдвинуть на первый планъ при преподаваніи учебныхъ предметовъ.

Для этого нужно имѣть чувство мѣры. Увлеченіе въ этомъ смыслѣ можетъ въ неумѣлыхъ рукахъ принести больше вреда, чѣмъ пользы, и дѣлая винегретъ изъ учебныхъ предметовъ, будетъ именно формировать многознаекъ, безъ основательнаго знакомства съ отдѣльными предметами. Я могъ привести не одинъ извѣстный мнѣ промахъ такихъ неразумныхъ преподавателей-энциклопедистовъ, которые на своихъ урокахъ уносились въ области различныхъ наукъ и къ концу урока не успѣвали сообщить того, что лежало на прямой ихъ обязанности. Стараясь расширить кругозоръ и развитіе учениковъ, они слишкомъ пренебрегали фактическимъ знаніемъ.

Я думаю, что даже посредственный человѣческій умъ въ

силахъ самъ переварить умѣренную умственную пищу и найдеть соотношеніе въ различныхъ пріобрѣтенныхъ имъ знаніяхъ.

Преподаватель взялъ бы на себя слишкомъ много, если бы вздумалъ во всѣхъ мелочахъ управлять этимъ таинственнымъ процессомъ, сущность котораго неизвѣстна, несмотря на ученіе матеріалистовъ, что мысль есть ничто иное, какъ нѣкоторое выдѣленіе изъ мозгового вещества. Наконецъ, при чемъ была бы самостоятельность мышленія, если бы посторонній человѣкъ могъ такъ легко управлять этимъ аппаратомъ.

Такимъ образомъ до сего времени дѣло, повидимому, сводилось къ яданію руководящихъ началъ и черемѣнъ программы.

Опять обращаюсь къ Пирогову, который 50 лѣтъ тому назадъ говорилъ: „мы оказались бы слишкомъ вѣрующими, если бы надумали вѣрить, что реформы можно достигнуть однимъ намѣненіемъ уставовъ, курсовъ, распредѣленіемъ лекцій, программъ, испытаній. Для кореннаго преобразования чего бы то ни было нужны не одни законы, а новые люди.—Черемѣна уставовъ измѣняютъ не сущность дѣла, а форму“.

Не такъ давно мнѣ пришлось прочесть въ одномъ изъ журналовъ справедливую жалобу публициста: „мы пренебрегли нравственнымъ воспитаніемъ, мы увлеклись образованіемъ, сочиняли, поправляли, искажали и передвигали лишь учебные планы и расписанія уроковъ и за этимъ бумажнымъ дѣломъ совершенно упустили изъ виду, что школьное воспитаніе есть дѣло живое, требующее прежде всего живыхъ, талантливыхъ, опытныхъ и сердечныхъ воспитателей“. Несомнѣнно, что и въ центральномъ нашемъ управленіи раздѣляютъ эти мысли и тамъ тоже причину неудовлетворительности учебнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ относятъ отчасти къ устарѣлымъ пріемамъ нѣкоторыхъ учителей, но всегда стоящихъ на уровнѣ современныхъ педагогическихъ требованій.

Современныя педагогическія пожеланія, какъ я уже высказалъ, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и извѣстны педагогическому персоналу болѣе 40 лѣтъ на моей памяти. Тѣмъ не менѣе они мало примѣняются на урокахъ старыми учителями, а еще менѣе новыми.

Въ свое время педагогическіе наши курсы и учительскія семинаріи военнаго вѣдомства принесли ту пользу, что знакомили практически своихъ слушателей съ этими пріемами, тогда еще новыми и мало извѣстными и хотя нѣкоторые изъ слушателей, по недостатку природныхъ дарованій, плохо приспособлялись къ учебному дѣлу, но все-таки они вносили зна-

комство съ ними въ среду корпораціи. Затѣмъ послѣдовалъ упадокъ интереса къ учебно-воспитательному дѣлу и не такъ давно было время, когда достать сколько-нибудь толковаго учителя дѣлалось съ каждымъ годомъ все труднѣе.

Такимъ образомъ за невозможностью набрать достаточное количество пригодныхъ людей, оставалось болѣе простое и удобное средство: опять и опять обращаться къ бумажному дѣлу, охотниковъ до коего всегда находилось въ избыткѣ.

Повидимому, теперь возлагаютъ большія надежды на развитіе продуктивности, активности, и самостоятельности въ учебныхъ занятіяхъ кадетъ при помощи введенія приготовительныхъ курсовъ по естественной исторіи, физикѣ, географіи и геометріи, справедливо полагая, что такой путь обученія болѣе соответствуетъ психологіи возраста (умственными силами дѣтей), ибо даетъ сначала представленіе о предметахъ, а затѣмъ дѣйствительное понятіе о нихъ, а не словесное ихъ обозначеніе. Этотъ путь обученія уже 40 лѣтъ тому назадъ практиковался. Занимались и отчизновѣдѣніемъ, и природовѣдѣніемъ, были предметные уроки и пропедевтики алгебры, геометріи и эпизодическій курсъ исторіи; совершались экскурсіи и были обязательны и письменныя работы по всемъ предметамъ. Все это обуславливалось все тѣми же тенденціями и тѣми же желаніемъ развить умъ и чувство дѣтей безъ обремененія памяти.

Все это мало-по-малу заглохло, отчасти и совсѣмъ оставлено. Быть можетъ теперь придуманы иные способы для продуктивности этой системы, и указанія недавняго прошлаго не могутъ имѣть значенія.

Въ половинѣ минувшаго столѣтія Тиндаль на своихъ лекціяхъ въ Королевскомъ институтѣ Великобританіи утверждалъ, что популяризація и поверхностное ознакомленіе съ научными предметами можетъ быть допущено только для людей, которые по своему экономическому положенію не могутъ посвятить достаточно времени на учебныя занятія и что для людей, которые имѣютъ возможность болѣе основательно знакомиться съ науками, такое поверхностное знакомство приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Теперь опять хотятъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, поверхностно пережевывать то, что въ V классѣ можетъ быть усвоено въ два мѣсяца, а уже не говорю о практическихъ неудобствахъ новыхъ мечтаній.

Желаніе и стремленіе ознакомить съ природой малолѣтнихъ предполагаемымъ способомъ напоминаетъ тѣхъ родителей, ко-

торые видятъ любознательность своихъ дѣтей въ томъ, что они на другой день по полученіи красивой игрушки начинаютъ потрошить ее, чтобы узнать, что находится внутри.

Такія дѣти, если и будутъ любознательны, что однако же сомнительно, то уже во всякомъ случаѣ чувство добра и красоты будетъ имъ чуждо.

Каждый учебный предметъ въ большей или меньшей степени даетъ матеріалъ для размышленій и при правильномъ его преподаваніи въ рукахъ умѣлаго учителя развиваетъ умъ.

Изъ каждой отрасли званія есть свои правила и нѣкоторые законы. Если они выводятся учениками изъ наблюденій и сравненій и затѣмъ примѣняются къ частнымъ случаямъ, то это все, что можетъ дать школа: разлагая родную рѣчь на части или рѣшая математическую задачу, ученики совершаютъ извѣстную умственную работу, которая въ средне-учебномъ заведеніи не только не менѣе продуктивна, чѣмъ примѣненіе законовъ природы для элементарнаго объясненія ея явленій, но гораздо въ большей степени заставляеть преодолевать трудности, что очень цѣнно и чего не даетъ поверхностное изученіе законовъ природы и предполагаемые въ программахъ опыты.

Сторонники научнаго матеріализма правы, говоря, что предметы и явленія природы больше конкретны и даютъ обильный матеріалъ для наблюденія. И прекрасно, пусть они пріучаютъ дѣтей къ наблюденію, поводы къ этому имѣются на каждомъ шагѣ и въ ежедневной жизни, но для этого нѣтъ никакой надобности отнимать драгоценное время отъ серьезныхъ классныхъ занятій.

Сторонники преобладанія естественныхъ наукъ въ обученіи очень правы, говоря, что естественныя науки дали очень много для удобства и комфорта, и человѣкъ, который желаетъ имѣть успѣхъ въ жизни, не можетъ ихъ игнорировать, и долженъ сдѣлать ихъ главными предметами изученія; но они увлекаются и говорятъ громкія фразы, утверждая, что сознаніе необходимости законовъ природы пріучаетъ уважать общественныя законы. Законы естественныя въ своемъ примѣненіи не допускаютъ колебаній и отступленій; они вѣчны, пренебреженіе этими законами каждый неукоснительно испытываетъ на своей спинѣ. Общественныя законы не имѣютъ этихъ свойствъ; они очень измѣнчивы и, какъ показалъ міровой опытъ, въ особенности въ наше время широкаго познанія природы, не мѣ-

шаютъ людямъ нарушать чужія права и постоянно быть недовольными существующими законами.

Значеніе естественныхъ наукъ для подъема нравственности тоже преувеличивается.

Естествознаніе не внушаетъ твердой вѣры въ непреложность нравственныхъ законовъ. Царство Божье не стало къ намъ ближе отъ физиологическаго объясненія жизни духа. Количество зла и страданій, среди людей, повидимому, не уменьшилось при всемъ громадномъ успѣхѣ въ познаніи природы; скорбь и наслажденіе стали болѣе янтенсивны и утонченны, слѣдовательно, намѣнялись въ качества, а не въ количества.

Пониманіе нравственнаго міра не можетъ ограничиться тѣмъ, что говорятъ о немъ физика и химія, ибо оно не исчерпывается мѣрою и вѣсомъ. Природа равнодушна: она не рукоплещетъ героямъ и не содрогается отъ злодѣяній; она не прощаетъ обиды и не молится за враговъ своихъ. „Въ эту всемірную Магдалину, какъ говоритъ Владиміръ Соловьевъ,—могутъ одинаково вселиться и злые духи и ангелы“.

Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ заключать, что я противникъ серьезнаго изученія природы въ школахъ.

Взрослые люди по необходимости изучаютъ ее въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, но напирать туда дѣтей съ малаго возраста считаю преждевременнымъ. Пусть они умѣютъ наслаждаться природою и изучаются наблюдать ее до поры до времени безъ изученія ея законовъ.

Ребенокъ изучается говорить и наслаждается своимъ лепетомъ безъ знанія законовъ языка. Спѣшить иѣтъ надобности и чѣмъ ребенокъ долѣе остается ребенкомъ,—тѣмъ лучше.

Что касается меня, то я готовъ раздѣлять мнѣніе, что съ гораздо большимъ удовольствіемъ можно услышать отъ дѣтей 10—11 лѣтъ, что звѣзды небесныя суть лампадки, которыя зажигаютъ ангелы для украшенія нашихъ ночей, чѣмъ серьезныя разсужденія ихъ о кислородѣ, углекислотѣ, воздухѣ и о томъ, чѣмъ дышатъ человѣкъ и растенія. Я склоненъ даже становиться на сторону тѣхъ мыслителей, которые говорятъ, что „слишкомъ полное и, если можно такъ выразиться, буквальное пониманіе всего окружающаго скоро утомляетъ. Человѣческая душа, особенно молодая, не находитъ себѣ удовлетворенія въ одномъ только обыденномъ и близкомъ, въ знакомыхъ очертаніяхъ реального міра“. Я такъ же склоненъ вѣрить Фулье, который утверждаетъ, что „преувеличенная вѣра въ морализующую силу позитивныхъ наукъ принесла предъ со-

временной школѣ⁴. Уменьшивъ на 12 число классныхъ уроковъ, предполагается употребить это время на устройство экскурсій, образовательныхъ прогулокъ для организаціи самостоятельныхъ учебныхъ занятій. Назначеніе экскурсій и прогулокъ въ заранѣе опредѣленный день и часъ недѣли совершенно невозможно и по климатическимъ условіямъ и по крайней трудности продуктивно организовать ихъ въ провинціальномъ городѣ въ виду скудости объектовъ для осмотра.

Для экскурсій, образовательныхъ прогулокъ и самостоятельныхъ занятій нѣтъ надобности отнимать систематически часы отъ класснаго времени, на недостаточность коего постоянно слышатся жалобы отъ преподавателей въ виду малой успѣшности учениковъ. Они могутъ безъ излишней регламентаціи и безъ вреда для учебнаго дѣла производиться время отъ времени по мѣрѣ возможности и надобности, которую, полагаю, всегда могутъ усмотрѣть лица учебно-воспитательнаго персонала каждаго заведенія.

Безъ сомнѣнія, взгляды на педагогическое дѣло и приемы воспитанія и обученія дѣтей и юношей съ теченіемъ времени значительно измѣнились на моей памяти, и я не имѣю претензій отстаивать превосходство и безошибочность такихъ взглядовъ, какіе доминировали въ мое время. Я только констатирую ихъ и всегда помню, что *la critique est aisée, l'art est difficile*, а также: чтобы хорошо понимать чужую молодость, надо понимать свою. Надо помнить, что юность людей, часто неразумная, но въ основѣ всегда чистая и благородная, что пылкость и увлеченія, свойственныя ей, хотя и получаютъ дурное направленіе подъ вліяніемъ страстей, характера и наслѣдственности, но на все высокое и благородное юность болѣе отзывчива, переходы отъ одного въ другому совершаются быстро и хорошія чувства всегда получаютъ преобладаніе. Здѣсь главная задача педагога.

Не могу умолчать въ своихъ воспоминаніяхъ хотя о нѣкоторыхъ тяжелыхъ минутахъ неудачъ и ошибокъ, которыя мнѣ пришлось пережить въ теченіе 25 лѣтняго управленія моего Симбирскимъ кадетскимъ корпусомъ.

Отношенія ко мнѣ моихъ непосредственныхъ начальниковъ были довольно далекія и доброжелательныя къ тѣмъ моимъ заявленіямъ, которыя касались порученнаго мнѣ дѣла. Подчиняться распоряженіямъ власти я, конечно, считалъ себя обязаннымъ. И ежели, встрѣчая неудобства и вредъ практическаго примѣненія ихъ, и заявленія мои, случалось, не имѣли успѣха,

то я принималъ на себя роль пружины для ослабленія ихъ отрицательнаго вліянія на ходъ дѣла. Послѣ Н. В. Исакова Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ Н. А. Махотинъ, никогда прежде не прикасавшійся къ этому дѣлу. Говорятъ, что онъ былъ человѣкъ добраго сердца. Это весьма можетъ быть. Первое время онъ представлялъ рѣзкую противоположность Исакову. На видъ очень неварачный, онъ все какъ бы боялся уронить свой санъ и былъ чрезмерно чувствителенъ къ вѣшной почтительности своихъ подчиненныхъ. Очень много говорилъ и высокомерно слушалъ, когда ему говорили. Любилъ свой пріѣздъ въ заведеніе обставить торжественностью и въ торжественныхъ случаяхъ говорить торжественныя рѣчи, развивая въ нихъ прописныя принципы, но технику нашего дѣла зналъ слабо и верѣдко проваливался.

Въ первый свой пріѣздъ въ Симбирскъ для ознакомленія съ корпусомъ, онъ, придя въ спальню воспитанниковъ и увидя на одномъ столѣ не стертую пыль, обратился громко къ сопровождавшему его генералу: „У нихъ здѣсь навозъ“. Я не сдержался и, обратясь къ Махотину, почтительно ему сказалъ: „До пріѣзда Вашего Превосходительства здѣсь не было навоза“. Послѣ этого Махотинъ уже не дѣлалъ никакихъ замѣчаній и очень сухо простился со мной. На другой день придя въ заведеніе, онъ, къ моему удивленію, былъ необыкновенно любезенъ, внимателенъ и уѣзжая изъ Симбирска благодарилъ меня. На другой годъ осматривалъ корпусъ командированный генералъ и послѣ представленія имъ отчета я получилъ отъ Махотина официальную бумагу, въ которой онъ писалъ мнѣ: „Усматривая изъ отчета генерала О., инспектировавшаго вѣреннѣйшему Вашему Превосходительству корпусъ, что заведеніе это имъ найдено въ томъ же отличномъ состояніи, въ какомъ я его видѣлъ въ прошломъ году, поставлю себя въ пріятную обязанность выразить Вамъ свою искреннюю благодарность“.

Далѣе я привожу нѣсколько случаевъ служебныхъ отношеній его къ нашему общему дѣлу.

Съ теченіемъ времени, когда онъ ознакомился съ совершенно незнакомымъ ему прежде дѣломъ, онъ очень измѣнился, высокомеріе сгладилось, онъ внимательно и отзывчиво выслушивалъ чужія мнѣнія и шелъ неуклонно по линіямъ, начертаннымъ Ваниовскимъ и Куропаткинымъ.

Однажды въ маѣ мѣсяцѣ утромъ меня разбудили вѣстіемъ, что въ корпусѣ только-что случилось несчастье.

Въ 6 часовъ утра, когда воспитанники вставали и умыва-

лись въ умывальной, кадетъ 6-го класса В. одѣвшись пришелъ въ классъ, гдѣ нѣсколько его товарищей уже занимались приготовленіемъ уроковъ. В., какъ хорошій ученикъ, подошелъ къ доскѣ и началъ объяснять одному изъ товарищей урокъ по математикѣ. Затѣмъ сѣлъ на подоконникъ и спросилъ товарищей: „какъ эффектиѣе выпрыгнуть“, перекинулъ обѣ руки и огни бросился внизъ изъ 3-го этажа. При паденіи онъ ударился бокомъ и головою на тротуаръ и потерялъ сознание. Немедленно прибывшій докторъ нашелъ переломъ основанія черепа, угрожающее жизни больного. Немедленно по телеграфу былъ вызванъ отецъ несчастнаго мальчика, который оставался при немъ до его смерти. В. промучился цѣлую недѣлю, не приходя въ сознание. Отецъ высказалъ, что онъ „всегда ожидалъ, что сынъ его кончитъ чѣмъ-либо плохимъ“. Сомнѣваясь, чтобы паденіе В. было намѣренное, и началъ спрашивать его товарищей о поступкахъ и настроеніи В. за послѣднее время.

Наканунѣ В. имѣлъ очень взволнованный видъ, что обратило на него вниманіе дежурнаго воспитателя, который и посоветовалъ ему лечь и отдохнуть. Вечеромъ В. легъ въ постель и у него долго сидѣлъ его другъ Д., которому онъ высказывалъ сердечныя страданія и высказывалъ намѣреніе покончить съ собой. Д. старался его успокоить и добивался отъ него честнаго слова, что онъ съ собой ничего не сдѣлаетъ, но В. отказался дать честное слово. Поэтому Д., когда легъ въ постель, то, стараясь не спать, слѣдилъ за нимъ и только когда убѣдился, что В. заснулъ, задремалъ и самъ. Утромъ Д. проснулся и увидѣлъ стоящаго у его кровати В. Онъ тотчасъ же всталъ и пошелъ въ умывальную, чтобы одѣвшись продолжать надзоръ за В. Но за это время В. прошелъ въ классъ и бросился изъ окна.

Подлѣ В. нашли связку писемъ, изъ нихъ 2 къ Д. Въ одномъ была вложена фотографическая карточка съ надписью: „Алешенькѣ Д. на память о бѣдномъ другѣ, прощай, не забывай 8989“.

Въ письмѣ:—„Дорогой Алеша, исполни послѣднюю просьбу твоего товарища: передай эти письма по назначенію, конфискуй все мое добро, все прочти, что гдѣ написано, что передай кому слѣдуетъ, что сожги, чтобы моя тайна никому не была известна кромѣ тебя да ея. Раньше я былъ цень, съ января я началъ жить, но силъ нѣтъ и... прощай, береги Зи... не забывай меня. Твой другъ В.“. Въ другомъ письмѣ:—„Голубчикъ Алешенька, защищай меня отъ впадокъ твоихъ дураковъ, которые

позволять себѣ осуждать меня, не зная ни меня, ни моихъ волненій. Поцѣлуемся, другъ. Прощая, поклонъ всѣмъ знакомымъ“. Одно письмо къ товарищамъ: „Прощайте, дорогіе товарищи, не поминайте лихомъ уже потому, что своею смертию я одному изъ васъ далъ мѣсто среди нашивочныхъ, пусть хотя тотъ, кто заступитъ мое мѣсто, вспомнитъ обо мнѣ на рожномъ праздникѣ“.

Одно письмо на имя своего отдѣльнаго воспитателя: „Дорогой воспитатель. Простите за огорченіе, но... Вы (да и никто) меня не знали и судить не можете... Причину своей смерти я не скажу; она всѣмъ слишкомъ темна и понять меня съумѣетъ только тотъ, кто самъ былъ на моемъ мѣстѣ. Прощайте“.

2 конверта на имя любимой дѣвушки. Въ одномъ фотографическая карточка съ надписью: „Вспоминайте несчастнаго, дорогая Зиночка“. Въ другомъ: „Милая, дорогая Зиночка. Единственно, чего бы мнѣ хотѣлось на свѣтѣ, — это чтобы Вы мнѣ вѣрили, но... судьба судила иначе, надежды мои не оправдались, и это разочарованіе послужило послѣдней каплей и въ безъ того полномъ сосудѣ. Теперь мы конечно не поѣдемъ на лодкѣ. Прощайте и не забывайте П. Б.“

Одно письмо заказное въ запечатанномъ конвертѣ къ отцу и къ брату, которыя и были переданы по принадлежности.

Въ классномъ столѣ Б. найдена еще переписка съ родными и любимой дѣвушкой, разныя замѣтки, описанія, дневникъ, стихи и проч.—большою частью смутнаго фантастическаго содержанія.

Б. послѣдніе годы былъ хорошаго поведенія, по успѣхамъ былъ первымъ ученикомъ и пытался даже держать экзаменъ черезъ классъ, но неудачно. Какъ скромный, религіозный и серьезный юноша, онъ по собственной охотѣ прислуживалъ въ алтарѣ при Богослуженіи.

Въ отпускъ ходилъ въ одно почтенное семейство, гдѣ были двѣ молодыя дѣвушки, съ которыми Б. находился съ дѣтства въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ одну изъ нихъ Б. влюбился чистою, юношескою любовью.

Повидимому, ему не отвѣчали тѣмъ же, тяготились постояннымъ его резонерствомъ и слишкомъ серьезными для ихъ лѣтъ разговорами и предпочитали бесѣдовать съ другими; къ нему же относились хотя дружески, но холодно и недовѣрчиво, что и было причиною его постоянного волненія.

Б. при многихъ хорошихъ качествахъ имѣлъ между прочимъ одинъ большой недостатокъ въ характерѣ. Ему хотѣлось казаться оригинальнымъ, что выражалось какъ въ мелочахъ, такъ и въ серьезныхъ поступкахъ. Ничто не сердило его такъ, какъ недовѣріе товарищей въ дѣйствительность его оригинальности и насмѣшки надъ его желаніемъ чѣмъ-либо выдѣлиться.

Просматривая его дневникъ, замѣтки и письма, невольно удивляешься путаницѣ его понятій, его сомнѣнію и якобы прерывательному отношенію къ людямъ. Онъ мало кого любитъ и даже не вѣритъ въ возможность любви вообще. Въ эти мысли онъ драпирруется и передъ любимой имъ дѣвушкой. Будучи юношей религіознымъ, онъ хочетъ иногда казаться невѣрующимъ. Обладая прекрасными способностями и успѣшно занимаясь математикой, онъ намѣренно начинаетъ получать дурныя отмѣтки. Утверждая, что ему совсѣмъ не даются иностранные языки, иногда отвѣчаетъ блистательно, повидимому, съ цѣлью произвести эффектъ.

Недовѣріе къ нему любимой имъ дѣвушки, которая тоже думаетъ, что онъ часто ломается и интересничаетъ своими особенными, отячными отъ обычныхъ, взглядами приводило его въ крайнее раздраженіе. — Онъ часто и охотно бесѣдуетъ съ своимъ отдѣленнымъ воспитателемъ, который старается ослабить его большое самолюбіе и обидчивость, неправильность его взглядовъ и заблужденій, но не всегда успѣваетъ въ этомъ.

По заявленію другихъ, онъ очень любилъ уединяться и для этой цѣли даже добивался, чтобы его посадили въ карцеръ. Б. очень любилъ читать книги отвлеченнаго содержанія. Случалось, что воспитатель указывалъ ему, что книги еще непосильны для него, и даже отбиралъ ихъ.

Все замѣчали въ немъ склонность къ рисовкѣ, и товарищи не разъ слышали отъ него разсужденія о самоубійствѣ, но относились къ этому насмѣшливо.

Родственные чувства, повидимому, не сильно были у него развиты. Къ младшему брату-кадету онъ холоденъ потому что, какъ ему кажется, тотъ пользуется большею любовью отца. Все это заканчивается тѣмъ, что онъ бросается въ окно, какъ бы желая доказать на дѣлѣ то, что онъ говоритъ на словахъ.

Мы не уберегли этого способнаго юношу, не досмотрѣли за особенностями склада его характера, не видѣли направленія его душевнаго строя. Вѣроятно, это былъ не единственный слу-

чай нашей слѣпоты и непредусмотрительности. Но такая катастрофа была единственная за всѣ 25 лѣтъ. Она имѣла ту хорошую сторону, что, жестоко поразивъ насъ, ввѣрнула наше вниманіе и бдительность.

Въ 1898 году, вернувшись изъ отпуска, я прошелъ въ канцелярію и, встрѣтивъ нашего казначея М., сказалъ ему, что желалъ бы получить мое жалованье за прошедшій мѣсяць.

Казначей отперъ свой столъ и съ изумленіемъ увидалъ, что моего жалованья въ столѣ нѣтъ, и сталъ усиленно шарить въ бумагахъ. Видя его намѣшательство, я сказалъ ему, чтобы прислали мнѣ деньги на домъ, и ушелъ. Часа черезъ два я собрался въ городъ, и, выходя изъ подъѣзда, встрѣтилъ одного изъ нашихъ преподавателей, который съ испуганнымъ видомъ спросилъ меня, правда ли, что изъ канцеляріи пропало болѣе 10.000 рублей. Я удивился и сказалъ, что казначей куда-то засунулъ мое мѣсячное жалованье и ищетъ его, но ни о какихъ тысячахъ не можетъ быть и рѣчи. Пришелъ однако же въ канцелярію и увидѣлъ, что всѣ бумаги и книги изъ шкафовъ вынуты; служащіе и писаря перебираютъ ихъ, и казначей блѣдный и растерянный мечется во всѣ углы.

Наконецъ онъ доложилъ мнѣ, что у него въ ящикѣ его стола лежали мои деньги и другихъ служащихъ, а также процентныя бумаги на 8.000, составляющія реверсъ одного изъ воспитателей, только-что женившагося. Немедленно былъ вызванъ судебный слѣдователь, и началось разслѣдованіе и обыскъ по всему зданію, но все было безуспѣшно, и я послалъ донесеніе въ Петербургъ о событіи. Написалъ также Управляющему Министерствомъ Финансовъ, коему послалъ номера пропавшихъ бумагъ, и просилъ сдѣлать распоряженіе по всемъ кредитнымъ учрежденіямъ на случай, если бы кто явился съ этими бумагами, и кромѣ того опубликовалъ ихъ въ газетѣ. Но никакихъ слѣдовъ не обнаруживалось.

Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года пріѣхалъ въ Симбирскъ Н. А. Махотинъ. Я встрѣтилъ его на пристани, и мы поѣхали съ нимъ въ корпусъ. Дорогой Махотинъ говоритъ мнѣ: „А у Васъ большая неприятность въ корпусѣ, которая ложится тѣнью на все заведеніе; казначея надо удалить немедленно.“

Я объяснилъ Главному Начальнику, что казначей пользуется репутаціей весьма честнаго человѣка, уважаемъ сослуживцами, и я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ виновенъ только въ томъ, что держалъ деньги у себя въ столѣ и не сдалъ ихъ въ казначейство, несмотря на мое приказаніе, отданное предъ моимъ

отъѣдомъ въ отпускъ, за это виню больше всего себя, какъ не провѣрившаго точнаго исполненія моего приказанія, а потому считаю себя обязаннымъ пополнить эти деньги и просилъ Главнаго Начальника оставить почтеннаго казначея на его мѣстѣ. Махотинъ согласился.

По пріѣздѣ въ корпусъ и послѣ обхода всего зданія, когда воспитанники пошли къ обѣду и мы пошли вслѣдъ за ними, Махотинъ сѣлъ за однимъ изъ столовъ младшей роты и пригласилъ садиться меня и сопровождающую его свиту, состоявшую изъ четырехъ генераловъ. Во время обѣда одинъ изъ штабъ генераловъ разговорился съ маленькимъ кадетомъ, сидѣвшимъ за тѣмъ же столомъ, и узналъ отъ него, что младшій братъ его также готовится поступить въ нашъ корпусъ и живетъ у казначея М. На другой день Махотинъ, отведя меня въ сторону, сообщилъ объ этомъ фактѣ, напомнивъ о его распоряженіи, чтобы никто изъ служащихъ не занимался подготовленіемъ къ экзамену въ то же заведеніе и категорически потребовалъ, чтобы казначей немедленно подалъ въ отставку, а иначе онъ предастъ его суду. Я пытался черезъ сопутствовавшихъ его генераловъ разъяснить, что мальчикъ жилъ у казначея безвозмездно, какъ знакомый его семьи, и только-что пріѣхалъ съ Кавказа съ его дочерью, которая гостила въ этой семьѣ и взялась довести мальчика въ Симбирскъ, чтобы избавить его родителей отъ излишнихъ расходовъ. Объясненія мои не помогли, и казначей подалъ въ отставку.

На другой день послѣ отъѣзда Махотина, я возвращался вечеромъ изъ города. Въ вестибюлѣ швейцаръ подалъ мнѣ записку. Записка была отъ кадета второй роты, гдѣ онъ просилъ меня немедленно придти въ спальню второй роты, что ему необходимо передать мнѣ нѣчто важное, очень важное. Я сейчасъ же пошелъ къ нему. Онъ съ разрѣшенія воспитателя не ложился и ждалъ меня. Шопотомъ сообщилъ мнѣ, что передъ обѣдомъ онъ съ товарищами игралъ на дворѣ въ мячикъ. Мячикъ покатылся въ подвалъ, гдѣ помѣщались калориферы, и когда онъ спустился въ подвалъ за мячикомъ, то увидалъ тамъ сбоку закрытую желѣзную дверь и хотѣлъ полюбопытствовать, что за ней. Попробовалъ ее отворить. Дверь легко поддалась, и онъ вошелъ въ какой-то чуланъ, гдѣ на полу стояла корзина, покрытая тряпкой, а подъ нею онъ увидѣлъ много денегъ и какихъ-то бумагъ въ 800,500 р. Зная о пропажѣ денегъ, онъ никому не сказалъ объ этомъ и ждалъ меня.

чтобы сообщить мнѣ первому. Я немедленно уже ночью взялъ дежурнаго офицера, позвалъ вахтера и вмѣстѣ съ нимъ и кадетомъ отправился по указанію его въ подвалъ, нашли желѣзную дверь, за нею чуланъ, корзинку, покрытую тряпкой, но... денегъ и бумагъ тамъ не было.

Обыскали всѣ углы подвемелья, но ничего не нашли.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, прочитывая бумаги, привесенныя мнѣ для подписи. Въ швейцарской раздакъ усиленный звонокъ, ватѣмъ ускоренные шаги по лѣстницѣ, и въ кабинетъ быстро входитъ мѣстный губерваторъ А. и, пожимая мнѣ руку, говоритъ: „Ну-съ, коробку конфетъ“.—И съ удивленіемъ смотрю на этого милого, отъвѣчиваго человѣка и спрашиваю: — „Какую коробку конфетъ?“ — „Всѣ пропавшія у Васъ въ канцеляріи деньги нашлись. Вотъ донесеніе исправника“. Я такъ обрадовался, что говорю: „Неужеля!—10 коробокъ“. „Нѣтъ, одну“, говоритъ А. и разсказалъ мнѣ подробности. Оказалось, укралъ ихъ писарь, занимавшійся въ канцеляріи и за нѣсколько дней до пронажи денегъ уволенный въ отставку. Похитивъ деньги, онъ поселился въ глухой деревнѣ Симбирской губерніи и когда пришелъ въ ближайшее село, чтобы размѣнять одинъ изъ билетовъ, то крестьянинъ, къ которому онъ обратился, заподозривъ его, поввалъ десятскаго, и они нагнали его въ лѣсу, обыскали, нашли нѣсколько незнакомыхъ имъ денежныхъ знаковъ—процентныхъ бумагъ, и затѣмъ произвели обыскъ въ его домѣ, гдѣ въ сундукѣ нашли всѣ украденныя деньги.

Проводивъ губернатора, я поспѣшилъ въ канцелярію сообщить служащимъ и казначею радостное извѣстіе. Казначей, весь потрясенный, упалъ передъ образомъ на колѣни, заплакалъ и повторялъ: „Благодарю Тебя, Господи, что не посрамилъ меня“.

Немедленно я послалъ телеграмму Махотину, увѣдомляя его, что деньги нашлись, и просилъ не давать движенія отставки казначея, но получилъ отказъ и на мѣсто нашего почтеннаго, честнаго казначея былъ присланъ изъ Главнаго Управленія чиновникъ, совершенно неспособный ни къ какому дѣлу, какой-то полоумный, но которому нужно было дослужить до пенсіи, а на мѣсто его въ Управленіи имѣлся въ виду другой. Чиновникъ этотъ скоро умеръ, не дослуживъ желаемаго срока. Необычайная строгость Махотина стала для меня отчасти понятна.

Въ 1894 году 28 декабря около 7 часовъ утра меня разбудили съ извѣстіемъ, что въ корпусѣ пожаръ. Наскоро одѣвшись, я побѣжалъ въ 1-ю роту. Вся спальня была наполнена густымъ дымомъ, и воспитанники полуодѣтые выбѣгали изъ спальни, схвативъ свое платье и обувь. Нѣкоторые вытаскивали кровати, столы и свои сундуки. Когда вышла всѣ кадеты, я попробовалъ войти въ спальню, но это оказалось невозможнымъ. Загорѣлась балка, которая была плохо изолирована отъ дымохода и начала тлѣть, какъ видно уже нѣсколькихъ дней, но дымъ уносило въ трубу и гари въ помещеніи не ощущалось, но когда наконецъ загорѣлся конецъ балки, выходящій въ подполье 3-го этажа, то огонь сталъ быстро охватывать все пространство подъ поломъ. Пожарная команда скоро прибыла, но проникнуть къ тому мѣсту, гдѣ горѣло, не было возможности,—пожарные задыхались и падали безъ чувствъ, весь лазаретъ былъ переполненъ ими.

Въ 8 часовъ вечера распространеніе пожара было прекращено, но полъ въ спальнѣ 3-го этажа и потолокъ 2-го весь сгорѣлъ и провалился. Всѣ спальни кадеты были испорчены огнемъ, а главное водой, такъ что помѣстить туда воспитанниковъ было невозможно. При сильныхъ, стоявшихъ тогда морозахъ вода замерзла и образовался толстый слой льда. Батареи водяного отопленія полопались. Всѣ окна въ спальняхъ были выбиты. Воспитанники размѣстились въ рекреационныхъ залахъ. Большихъ трудовъ стоило приспособить часть спаленъ къ концу Рождественскихъ праздниковъ, когда стали возвращаться кадеты съ зимнихъ каникулъ. Никто изъ строившихъ заведеніе инженеровъ и изъ насъ служащихъ не были привлечены къ служебной отвѣтственности.

Когда въ слѣдующемъ году я представлялся Государю Императору Николаю Александровичу, то Его Величество, послѣ нѣсколькихъ словъ разговора со мной, спросилъ: „А у насъ въ корпусѣ былъ пожаръ“ и началъ спрашивать подробности. Я былъ крайне пораженъ Его памятью въ этому событію, которое случилось черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія Его на Престолъ.

Одинъ изъ воспитателей корпуса женился на моей дочери. Когда дошла до него очередь, я представилъ его на должность ротнаго командира. Махотинъ, по доносу на меня одного изъ претендовавшихъ на это мѣсто, отказалъ въ утвержденіи моего зятя. Я поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы лично переговорить и выяснитъ главному начальнику, что мой зять несетъ какъ бы

наказаніе за то, что женился на моей дочери и что онъ вполне заслуживаетъ того назначенія, къ которому я его представилъ. Никакія мои убѣжденія не имѣли успѣха. Тогда я просилъ у Махотина позволенія объяснить дѣло лично военному министру. Ванновскій принялъ меня у себя въ кабинетѣ очень любезно и спрашивалъ меня о корпусѣ. Когда онъ отпускалъ меня, я сказалъ ему: „Чтобы мнѣ спокійно увѣхать къ своему мѣсту служенія, я прошу у васъ позволенія переговорить о моемъ личномъ дѣлѣ“. Тогда Ванновскій спрашиваетъ: „Какъ вы желаете со мной говорить: какъ съ человѣкомъ или какъ съ военнымъ министромъ“.—Я говорю: „Какъ съ министромъ“. Ванновскій уже болѣе суровымъ голосомъ: „Хорошо, говорите министру“. Я рассказывалъ ему свое дѣло. Выслушавъ меня внимательно, онъ очень добродушно и участливо сказалъ мнѣ: „Ну, посудите сами безпристрастно, удобно ли Вамъ служить съ родственникомъ, вѣдь вы не оберетесь всякихъ нареканій, даже при самыхъ безпристрастныхъ вашихъ распоряженіяхъ“.

„Признавая справедливость вашихъ словъ, я прошу перевести меня въ другой корпусъ, но не портите карьеры офицеру, который имѣетъ боевыя заслуги и подъ Вашимъ начальствомъ переходилъ Дунай въ Турецкую кампанію“.

Въ это время открывалась вакансія директора въ Полтавскомъ корпусѣ. Ванновскій согласился на мой переводъ и велѣлъ передать это Махотину.

Когда я прямо отъ военнаго министра пріѣхалъ къ Н. А. Махотину и передалъ ему свой разговоръ съ Ванновскимъ, то онъ очень сухо отвѣтилъ мнѣ: „Хорошо, вы будете переведены въ Полтаву, если военный министръ этого желаетъ, но Вашъ зять все-таки не будетъ ротнымъ командиромъ“. Тогда я написалъ письмо Ванновскому, въ которомъ выразилъ, что совершенно подчиняюсь тому рѣшенію, какое ему будетъ угодно принять въ моемъ дѣлѣ.—Я остался въ Симбирскѣ, а зять мой переведенъ воспитателемъ въ 1-й корпусъ въ Петербургъ, гдѣ скоро получилъ роту.

„Еще одно послѣднее сказаніе—и лѣтопись окончена моя“.

Въ теченіе 25 лѣтъ моего директорства въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ окончили курсъ 1.003 человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ продолжали свое образованіе въ военныхъ академіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые занимаютъ уже видныя мѣста на государственной и общественной службѣ.

Упомню здѣсь о тѣхъ извѣстныхъ мнѣ бывшихъ питомцахъ корпуса, которые съ честью исполнили то дѣло, къ которому готовились съ дѣтства, и для этого дѣла пожертвовали своею жизнью:

У б и т ы:

1) Николай Даниловъ—подъ Эрзерумомъ 1877 г., 135 пѣхотнаго полка.

2) Петръ Валевскій, поручикъ охранной стражи на Корейской границѣ въ 1900 г.

3) Дмитрій Ткаченко, поручикъ 9-го пѣхотнаго Ингерманландскаго Императора Петра I полка.—Въ сраженіи съ японцами у д. Сюдунтай 1904 г.

4) Николай Ярченко, того же полка поручикъ, въ сраженіи съ японцами у д. Сюдунтай 1904 г.

5) Иванъ Корольковъ,— 10 пѣхотнаго Новоингерманскаго полка капитанъ. Въ бою подъ г. Ляояномъ, при д. Сыквантунь 1904 г. Здѣсь два раза отбивалъ ожесточенныя атаки и погибъ со всеми чинами роты.

6) Николай Слюсаренко,—1-го Стрѣлково-Восточно-Сибирскаго Его Величества полка капитанъ. Подъ д. Ташичао въ 1905 г.

7) Иванъ Шмеллингъ, того же полка штабсъ-капитанъ. Подъ Мукденомъ въ 1905 г.

8) Сергій Шулькевичъ,—1-го Восточно-Сибирскаго сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ. Подъ г. Ляояномъ 1904 г.

9) Иванъ Салтовскій,—5-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка штабсъ-капитанъ. Во время штурма крѣпости Портъ-Артура въ 1904 г.

10) Михайлъ Коробковъ,—10-го Восточно-Стрѣлковаго полка штабсъ-капитанъ, подъ г. Ляояномъ въ 1904 г.

11) Борисъ Россинъ,—14-го Восточно-Сибирско-Стрѣлковаго полка капитанъ, во время штурма крѣпости Портъ-Артура 1904 г.

12) Иванъ Горбовскій-Заранекъ,—84-го Восточно-Сибирскаго полка подпоручикъ, въ сраженіи съ японцами 1904 г.

13) Иванъ Желтухинъ,—36-го Восточно-Сибирскаго полка поручикъ. Въ сраженіи съ японцами при д. Сандеу 1905 г.

14) Алексій Аверкіевъ,—9-й Артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ. Въ сраженіи съ японцами.

15) Василій Абызовъ,—Квантунской крѣпостной артиллеріи подпоручикъ. Во время штурма крѣпости Портъ-Артуръ 1904 г.

16) Станиславъ Климовичъ,—34 Сѣвскаго графа Каменскаго полка капитанъ. Въ бою на Уфангуанскомъ перевозѣ въ 1904 году.

Получили орденъ Георгія 4-й степени:

1) Владиміръ Лѣнинцевъ. 1-й Сибирской Артиллерійской бригады поручикъ.

19 сентября 1904 г. въ бою подъ Сяліухецвы послѣ выбитія изъ строя 8-хъ офицеровъ вступилъ въ командованіе батареей и съ 7 съ половиной до 11 часовъ утра управлялъ огнемъ батареи, ослабилъ огонь трехъ японскихъ батарей и остановилъ нѣсколько разъ повторявшіеся натиски противника. Къ 10 часамъ утра оставалось прислуги только 9 человекъ. Когда батарея приказано было отходить, несмотря на убыль 40 лошадей, орудія и ящики были вывезены все.

Искусно управлялъ огнемъ, и отражая натиски непріятеля, послѣднимъ отошелъ съ позиціи, убѣдившись въ благополучномъ отходѣ орудій и ящиковъ.

2) Мударъ Анзоровъ—45 драгунскаго Сѣверскаго Короля Датскаго полка корнетъ.

14 января 1905 года около дер. Линдичау, узнавъ о наступающей японской ротѣ, онъ, по собственной инициативѣ, стремительно бросился въ атаку, при чемъ было зарублено до 100 человекъ японцевъ, 17 взято въ плѣнъ и захвачено до 25 винтовокъ, 19 ручныхъ гранатъ и 5 лошадей съ полными вьюками, въ томъ числѣ лошадь ротнаго командира, во вьюкѣ котораго найдены были карты и важные документы.

Подробностей о гибели павшихъ въ бою я достать не могъ, исключая поручика Валевскаго. Подробности о немъ сообщены мнѣ частью матерью Валевскаго, а частью взяты изъ брошюръ Александровскаго военнаго училища.

Петръ Ивановичъ Валевскій окончилъ курсъ въ Симбирскомъ корпусѣ въ 1893 году, былъ выпущенъ изъ Александровскаго военнаго училища въ 1895 году, подпоручикомъ во 2-й Запасній стрѣлковій батальонъ, а 1898 году перешелъ на службу въ охранную стражу Восточно-Китайской ж. д.

22 и 23 іюня китайскіе мятежники напали на посты Южной дороги. Валевскій успѣлъ собрать на ст. Мукденъ около 80 стражниковъ, отбилъ два штурма сильнѣйшаго непріятеля, вооружен-

шаго артиллеріей, собралъ всѣхъ служащихъ дороги и, похоронивъ убитыхъ, пошелъ на соединеніе съ отрядомъ полковника Мищенко въ г. Ляоянь. Отрядъ подъ начальствомъ Валевскаго вышелъ на линію жел. дор. ниже Мугдена. Дорога была уже разрушена. У станціи Сазина произошло столкновеніе съ китайцами. Подъ Валевскимъ была убита лошадь, но китайцы обращены въ бѣгство. Отрядъ благополучно дошелъ до моста чрезъ рѣку Хунь-хе. Защитники моста, 18 человекъ охранной стражи восторженно встрѣтили отрядъ Валевскаго. Близъ станціи Су-я-тунь отрядъ попалъ въ засаду. Завязалась горячая перестрѣлка, длившаяся около часа.

Валевскій, сберегая патроны, приказалъ стрѣлять только по перебѣгавшимъ китайцамъ. Къ вечеру китайцы, пользуясь своимъ огромнымъ численнымъ превосходствомъ, обошли отрядъ съ трехъ сторонъ. Положеніе становилось критическимъ. Въ это время присканалъ казакъ и доложилъ Валевскому, что съ лѣваго фланга атакуетъ кавалерія, а съ фронта наступаютъ пѣшіе. Валевскій вскочилъ на коня и помчался къ лѣвому флангу—подъ нимъ была убита вторая лошадь, и онъ пѣшкомъ добѣжалъ до цѣпи и командовалъ: „въ штыки!“ Китайцы были отбиты. Отрядъ продолжалъ путь всю ночь. Голодъ и жажда начинали давать себя чувствовать. Сухарей было немного, воды тоже не было—изъ колодезь пить боялись, такъ какъ вода въ нихъ была, повидимому, отравлена. Отрядъ начиналъ падать духомъ. Валевскій старался поддерживать и утѣшать мучимыхъ голодомъ, жаждою и усталостью людей надеждою на отдыхъ въ Ляоянѣ. Версть за 10 до Ляояня былъ сдѣланъ привалъ, чтобы придти въ него ночью. Съ закатомъ солнца двинулись далѣе. Мостъ на рѣкѣ Тайцзы былъ въ огнѣ. Не зная, есть ли кто изъ нашихъ въ Ляоянѣ, не рѣшались переходить въ бродъ. Была сдѣлана рекогносцировка, обнаружившая, что русскіе оставили Ляоянь всего за 6 часовъ до прибытія отряда. Валевскій съ отрядомъ устроился на островѣ, представлявшемъ изъ себя котловину, заросшую кустарникомъ, который защищалъ отъ выстрѣловъ. Въ 5 часовъ вечера пребываніе отряда было обнаружено китайцами и ими сдѣлано нѣсколько нападеній, которыя всѣ были отбиты.

Послѣ всесторонняго обсужденія было признано правильнѣе всего идти въ Корею, такъ какъ вся линія желѣзной дороги была сплошь занята китайскими солдатами. Въ 10 часовъ вечера выступили съ мѣста стоянки вверхъ по рѣкѣ Тайцзы, рассчитывая перевалить и идти по рѣкѣ Ялу въ Корею.

На слѣдующій день пройдя мимо Янь-тайскихъ вошей, они довѣрились проводнику-китайцу, который завелъ ихъ въ ловушку. По крутой тропянкѣ поднимаясь въ гору, люди и лошади измучились. Когда спустились съ горы, послышались неожиданно выстрѣлы. Отрядомъ овладѣлъ панический страхъ, и Валевскому съ трудомъ удалось водворить порядокъ. Позиція была крайне неудобна и отстрѣливаться было невозможно. Валевскій былъ убитъ пулей въ грудь.

Замѣтивъ на груди кровавое пятно, стоявшій вблизи солдатикъ подбѣжалъ къ нему и освободилъ его отъ пояса и шашки. Придя въ себя, Валевскій сталъ оцупывать себя у пояса, отыскивая револьверъ, чтобы пристрѣлить себя. Увидя его у солдатъ, онъ сказалъ: „Вы меня оставляете на изтананіе китайцамъ“; — „Никогда, Ваше Благородіе, умремъ вмѣстѣ съ Вами, но не отдадимъ китайцамъ“, отвѣчалъ солдатъ. Передъ смертью онъ просилъ окружившихъ его стоять другъ за друга, не разлучаться и не отдаваться китайцамъ въ руки живыми. Хотѣлъ передать команду, но не успѣлъ. Въ моментъ смерти онъ передалъ подошедшему унтеръ-офицеру Полипенко 200 руб. со словами: „Передайте мамѣ“ — „Мы его тутъ и похоронили; вырыть ему было нельзя, но мы обложили его камнями и обсыпали мелкими камешками“, рассказывалъ Полипенко. Впослѣдствіи останки Валевскаго привезли въ Портъ-Артуръ, гдѣ торжественно похоронили.

Смерть Валевскаго привела въ отчаяніе его отрядъ. Раненые видѣли, что послѣдняя надежда на спасеніе для нихъ погибла. Начался разладъ, и люди раздѣлились на партіи и не многимъ удалось достигнуть Кореи.

Обладая прямымъ, честнымъ и твердымъ характеромъ, не щадя своей жизни ради спасенія своего любимаго отряда, Валевскій подчинялъ всѣхъ своему вліянію. Его просьбы, приказанія, требованія одинаково исполнялись безпрекословно. Всѣ недоразумѣнія онъ улаживалъ, мирилъ, былъ связующимъ звеномъ среди команды.

Понимая всю трудность задачи спасти команду, онъ часто повторялъ солдатамъ: „Головы и патроны беречь“. Онъ ободрялъ падавшихъ духомъ, стыдилъ трусившихъ при стычкахъ и былъ всегда впереди. Солдаты оцѣнили и крѣпко полюбили этого человека.

Въ 1903 году исполнилось 25 лѣтъ моего управленія Симбирскимъ кадетскимъ корпусомъ. День этотъ навсегда останется въ моей памяти. Черезъ Великаго Князя Константина

Константиновича я получилъ Милостивое поздравленіе отъ Государя Императора, чудное, теплое письмо отъ самого Великаго Князя, телеграмму отъ Великой Княгини и отъ многихъ бывшихъ моихъ питомцевъ. Сослуживцы съ воспитанниками устроили юбилейный обѣдъ и вечеръ, и много было высказано мнѣ задушевныхъ словъ.

Въ томъ же году, чувствуя себя уже состарившимся и усталымъ для нашего труднаго дѣла, я просилъ въ разговорѣ съ Военнымъ Министромъ Куропаткинымъ смѣнить меня, но Куропаткинъ отвѣтилъ мнѣ: „Теперь не время уходить, оставайтесь на Вашемъ посту“. Вскорѣ однако же я повторилъ свою просьбу письменно, прося уволить меня. Въ отвѣтъ я получилъ отъ Военнаго Министра письмо слѣдующаго содержанія: „Высоко цѣня Вашу продолжительную, полеваную служебную дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ и весьма сожалѣя о Вашемъ рѣшеніи покинуть службу, я не могъ не признать за Вами права на заслуженный отдыхъ и почетный покой, а потому изъявляю согласіе на подачу Вами прошенія объ отставкѣ, по желанію, выраженному въ письмѣ ко мнѣ отъ 10-го августа“.

Въ декабрѣ послѣдовалъ приказъ по Военно-Учебнымъ заведеніямъ главнаго начальника Великаго Князя Константина Константиновича о моей отставкѣ. Приказъ столь для меня лестный, что я не могу воздержаться, чтобы не занести его въ мою лѣтопись:

„Высочайшимъ приказомъ директоръ Симбирскаго Кадетскаго Корпуса генераль-лейтенантъ Якубовичъ уволенъ по прошенію въ отставку.

Служба названнаго Генерала по учебному вѣдомству проходила въ теченіе 38 лѣтъ послѣдовательно въ должностяхъ—воспитателя, инспектора классовъ и директора Кадетскаго Корпуса. На отвѣтственномъ посту Начальника учебнаго заведенія генераль-лейтенантъ Якубовичъ пробылъ четверть столѣтія, и уже это одно обстоятельство свидѣтельствуетъ о той тяжелой утратѣ, какую несетъ вѣдомство съ уходомъ столь опытнаго и сердечно преданнаго своему дѣлу руководителя и воспитателя дорогаго Миѣ юношества.

За время управленія Военно-Учебнымъ Вѣдомствомъ, я имѣлъ возможность близко узнать Николая Андреевича, какъ человека и сотрудника и оцѣнить его самоотверженную, примѣрную службу, за которую и прошу его принять Мою глубокую, сердечную благодарность“.

15 декабря я простился съ моими сослуживцами, изъ коихъ многіе сотрудничали со мною въ теченіе 25 лѣтъ, и съ воспитанниками, которые поднесли мнѣ въ кону Св. Чудотворца Николая, а сослуживцы почтили меня трогательнымъ адресомъ. Провожали меня и бывшіе мои питомцы.

Дворянство Симбирской губерніи постановило просить меня вступить въ его ряды.

Покинувъ Симбирскъ, я поселился у себя въ имѣніи Тамбовской губерніи, отдаваясь воспоминаніямъ о дорогомъ мнѣ Корпусѣ.

Съ гордостью и сердечнымъ восторгомъ встрѣчаю и всякое хорошее извѣстіе о корпусѣ и о моихъ бывшихъ питомцахъ. Великую радость испытываю, когда случайно встрѣчаюсь съ ними, и великую скорбь, когда узнаю что-либо нехорошее.

Много Васъ, дорогіе мои, разбросано по Матушкѣ Россіи! Гдѣ Вы? Откликнитесь!

Н Якубовичъ.

